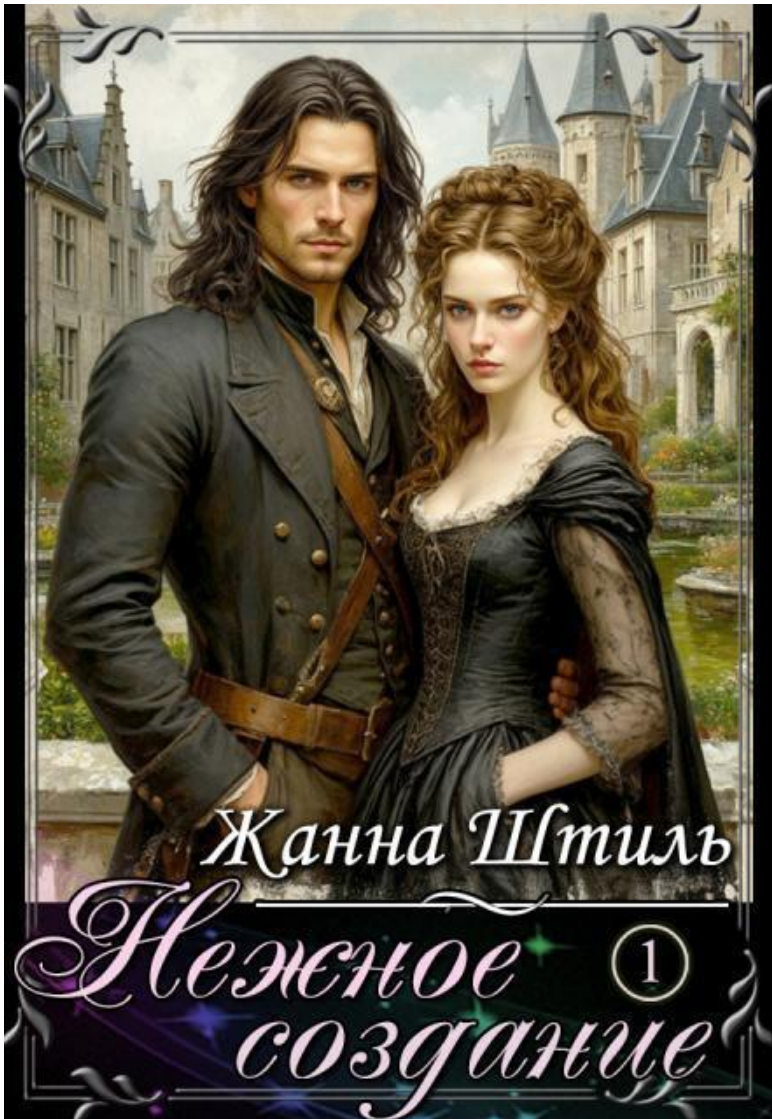

Жанна Штиль

Нежное
создание

①

Жанна Штиль

Нежное создание. Книга первая

<https://litres.ru/74220804>

Аннотация

Они не должны были встретиться. Она — наша современница, оканчивает пятый курс художественно-графического факультета педагогического университета. Он — военно-морской офицер, житель Нидерландов семнадцатого века. Вероника не любит своё отражение в зеркале и мечтает о другой жизни. Адриан познал горечь предательства, потерял веру в человеческую порядочность и благородство. По воле providения переплелись судьбы двух людей разных исторических эпох и культур.

● Дилогия. Книга первая. ❄—❄—❄ Вторая книга здесь: ●
(Скучно не будет)

В истории есть: ► Нидерланды, 17 век; ► благородный главный герой; ► мятежная героиня; ► притворство как способ защиты; ► любовь с правом на ошибку; ► элементы бытового фэнтези; ► непредсказуемые повороты сюжета; ► иллюстрации, поясняющие текст (главы с ними отмечены*).

Все мои книги здесь / Подписаться на автора:

Содержание

Глава 1*	4
Глава 2	13
Глава 3*	26
Глава 4*	39
Глава 5*	52
Глава 6*	66
Глава 7*	79
Глава 8*	89
Глава 9*	100
Глава 10*	110
Глава 11*	120
Глава 12*	133
Глава 13*	146
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Глава 1*

Наше время

Стоял пасмурный и ветреный апрель. Мало того, что солнце постоянно скрывалось за серыми низкими тучами, так ещё и частыми гостями были дожди. Шумные и быстрые они обрушивались внезапно и так же внезапно кончались, сменяясь дерзкими порывами холодного ветра.

К вечеру ветер стих. Быстро темнело. В воздухе повисла липкая морось, распылилась над городом, растеклась по воздуху, прилипла к деревьям, осела на раскисшую землю.

Вероника куталась в короткую куртку, глядя себе под ноги из-под надвинутого на глаза капюшона. Вздохнула — вечер снова будет тёмным, затяжным. Она свернула к дому, замедлила шаг и поправила наплечный ремень этюдника*. На крыльце под козырьком подъезда стоял Ромка Грачёв и курил. Будучи на пять лет старше Вероники никогда не обращал на неё внимания, а тут...

Месяц назад он вышел из тюрьмы и устроиться на работу не торопился. Днём раскатывал на белой новенькой иномарке, а ближе к вечеру устраивал дискотеки в квартире, которая находилась на первом этаже и окнами выходила во двор. До глубокой ночи жильцы слушали то грохот хард-рока, то осипшие баритоны исполнителей воровского шансона.

На распоясавшегося нарушителя режима тишины никто

не жаловался — опасались последствий. Восемь лет назад Грачёв вернулся из армии и надолго пропал из поля зрения соседей.

Его квартира пустовала; о нём успели забыть.

Как оказалось, шесть лет Ромка с тремя сослуживцами промышлял разбоем где-то у границы с Финляндией. Таки попавшись, все получили серьёзные сроки.

Грачёв вышел из мест лишения свободы через два года вместо семи лет. Любительницы посплетничать утверждали, что освобовился он досрочно не по амнистии, а потому что согласился на сотрудничество со следствием, сдал подельников, чем и заслужил более мягкое наказание.

В первый же день по прибытии Ромка в гордом одиночестве праздновал своё возвращение. В открытое окно кухни неслась музыка.

В тот вечер Вероника, как и сегодня, возвращалась из университета. Присмотрев на крыльце подъезда неспешно курившего и выглядевшего вполне мирно соседа, собралась прошмыгнуть мимо него, но он перекрыл ей вход. Пьяно шурясь, процедил:

— Это ж кто у нас тут шастает такая большая?

Вероника от неожиданности опешила. Смотрела в водянистые, бегающие глазки уголовника и ледяная позёмка неконтролируемого страха холодила взмокшую спину.

Не получив от неё ответа, Грачёв криво ухмыльнулся, выпустил струю дыма и просканировал соседку сверху вниз.

Задержал взгляд на зачехлённом этюднике.

— Куда газуешь, красавица? — сплюнул в сторону. Щелчок пальцами и недокуренная сигарета спикировала на мокрый асфальт.

Вероника нахмурилась и отступила. Приземистый, ниже её на голову, Ромка издевался. Насчёт своей внешности она давно не питала иллюзий — высокая, худощавая, некрасивая. Через два месяца она защитит диплом и уберётся восвояси как из этого дома, так и из областного центра, где живёт с матерью в отсуженной у отца квартире.

Ромка рывком подался к ней, и Вероника с глухим вскриком ринулась на него, сбила с ног и рванула вверх по лестнице на третий этаж к спасительной железной двери своей квартиры. В спину ей нёсся хриплый смех довольного соседа.

Она перевела дух лишь тогда, когда захлопнула за собой входную дверь. Позже не могла объяснить себе, почему испугалась, сбежала? Почему безотчётный подсознательный страх парализовал её разум и лишил способности здраво мыслить?

С тех пор, каждый день, в какое бы время она ни возвращалась, Ромка встречал её на крыльце — высматривал её появление в окне, терпеливо поджидал, «охотился».

Обходить дом с другой стороны и красться у стены, чтобы незаметно проскользнуть в подъезд, Веронике не позволяло чувство собственного достоинства. Да и показывать Грачёву,

что она его побаивается, она ни за что не станет.

Помнила, как после первой их встречи стояла в ванной и держала дрожавшие ладони под горячими струями воды, плескала на лицо. Сквозь пелену слёз долго всматривалась в своё отражение в зеркале, кривила губы — трусиха! Ко всему прочему она ещё и трусиха!

Она не любила в себе решительно всё: и высокий рост, и нескладную фигуру, и круглое скуластое лицо с невыразительными глазами.

Ненавидела выпуклый лоб, длинный хрящеватый нос, тонкие губы. Даже волосы у неё блёклые, мягкие, редкие и их приходится коротко стричь. Зубы хоть и ровные, но до голливудской улыбки далеко.

Не любила свои ноги со ступнями сорокового размера. Не любила руки — большие и сильные.

— Гадство, — шептала она, не глядя на себя, с усилием стирая губкой брызги воды с поверхности зеркала.

Имя тоже вызывало в ней отторжение, казалось вялым и бесцветным. А вот короткое Ника нравилось. Слышалось в нём что-то лёгкое, приятное, мальчишеское.

Несколько лет Вероника занималась плаванием и подавала надежды. Узкие бёдра и длинные ноги способствовали хорошим результатам. Однако после превысивших норму физических нагрузок и переизбытка хлора в воде в бассейне стали болеть глаза, резко ухудшилось зрение. Плавание пришлось бросить.

Ника не жалела. За годы усиленных тренировок она заметно раздалась в плечах, благодаря чему в списке её видимых изъянов появился дополнительный пункт. Сзади её легко можно было принять за парня.

И одевалась Ника в спортивном стиле: джинсы, классические трикотажные футболки тёмных тонов, обувь на низком каблуке. Она не выделялась в толпе и не привлекала к себе внимание. Абсолютная асексуальность.

Надеть платье? Боже упаси! Она может представить себя в чём угодно, но не в платье. Как только окончила школу, забросила надоевшую форму в шкаф и вздохнула с облегчением.

Чтобы не набрать лишний вес, который так и норовил прилипнуть даже от выпитого стакана воды, она стала подыскивать замену плаванию.

Ни один из видов контактного спорта не рассматривала. Те виды, которые подчёркивали женственность, по тем или иным причинам не подошли: то рост не тот, то на занятия требовалось много времени, то снаряжение стоило неоправданно дорого, то удивляла чрезмерная плата за персональные тренировки.

Стремительно растущий вес вынудил искать подходящую диету.

Было трудно, но Ника не сдалась и перепробовала не один десяток всевозможных диет.

Стойкий результат дала длительная диета с подсчётом ка-

лорий — Ника больше не поправляется. Она уже не глотает голодную слюну, как в первые три месяца диеты. Не спеша проходит мимо кафетериев и кофеен и равнодушно смотрит на витрины с выставленной сладкой выпечкой и десертами.

Сегодня Грачёв вышел на крыльцо с опозданием. Напрасно Вероника обрадовалась, что он наконец-то наигрался в кошки-мышки и отстал от неё.

Вздыхнула: если бы не смалодушничала в первую встречу, не убежала, дала бы Ромке достойный отпор, возможно, он бы не стал её преследовать.

Каждая встреча разыгрывалась по одному и тому же сценарию: Грачёв перекрывал вход в подъезд и, приподнявшись на носки, дышал в лицо Нике перегаром, вызывая тошноту и брезгливость. При этом обязательно говорил что-нибудь остроумное на его взгляд.

С каждым днём его высказывания становились откровеннее, поведение развязнее. Казалось, вот-вот... сегодня... сейчас у уголовника лопнет терпение и он перешагнёт запретную черту.

Сегодня неугомонный сосед слушал песни Высоцкого. Из открытого окна кухни гремело: «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!..»

Останавливая Веронику, Ромка расставил ноги и раскинул руки в стороны. Облизал сухие губы:

— Не спеша в гнездо, красавица. Уважь дядю умной беседой.

Ника развернула этюдник перед собой и упёрла его острый угол в грудь Ромки. Надавила:

— Посторонись... дядя. Затопчу.

Ромка нагло улыбнулся, отстранил этюдник и слегка посторонился:

— Может, зайдёшь, недотрога, к одинокому соседу на рюмку чая, а? У меня вкусное вино есть, дорогое. Тебе понравится.

Девушка несильно толкнула Ромку в грудь, и тот схватил её за руку:

— Что ж ты такая некультурная, Вероничка? Мля, не нравлюсь тебе? — выдохнул в лицо смесью перегара и горького дыма.

Ника не ответила. С трудом игнорировала его нарастающее недовольство. Со стыдом призналась: как бы ни настраивала себя, а необъяснимый страх перед Грачёвым брал верх над здравомыслием. Всякий раз она едва сдерживалась от порыва броситься со всех ног вверх по лестнице.

Держа этюдник перед собой щитом, девушка отвернулась. Протискивалась мимо ненавистного напирającego уголовника.

— Целка что ли? — навалился он на неё, прижав к открытой створке двери.

Ника оттолкнула его без видимых усилий.

Еле стоявший на ногах перебравший Ромка замахал руками и, загребая воздух, задом ввалился в подъезд. При ударе

о батарею, застонал, но преследовать проскочившую мимо соседку не стал.

— Когда-нибудь это я завалю тебя на спину, мля. Вкурила? — неслось ей вдогонку.

Миновавшая к тому времени лестничный пролёт, Ника остановилась. В голову ударила кровь; дыхание сбилось; сердце выпрыгивало из груди; руки сжались в кулаки.

— Может, бабла хочешь? — затихающим эхом долетели до неё слова уголовного. — Не вопрос. Отвалю, сколько скажешь. За бабки у любой бабы раздвигается рогатка!

Ей понадобилось несколько мгновений, чтобы прислонить к стене этюдник и бегом спуститься на площадку первого этажа.

Пошатываясь, Грачёв стоял у приоткрытой двери своей квартиры и с остервенением жал на кнопку звонка.

Ника обхватила Ромку за шею сзади, притянула к себе, сдавила и тихо сквозь сжатые зубы заговорила:

— Если ты, хорёк облезлый, ещё раз встанешь на моём пути и заговоришь со мной, то у тебя не хватит бабла, чтобы привести в норму своё подорванное здоровье.

Ромка вцепился пальцами в её предплечье и попытался выкрутить голову из захвата. Брызгая слюной, замычал что-то нечленораздельное.

Не ослабляя хватку, Ника угрожающе продолжила:

— И второе — настоятельно рекомендую убавить громкость музыки, а после одиннадцати часов выключить совсем.

Надеюсь, понял меня.

Она отпустила его и подтолкнула к двери. Не оборачиваясь, пошла вверх по лестнице. Насилие над соседом большой радости не принесло, но с души словно камень упал — сегоднешний поединок она выиграла.

Каким станет ответ Грачёва, догадывалась. Уже не боялась его. На попятный никогда не шла, разделяя оптимизм короткого мудрого изречения: «Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и потом жалеть всю жизнь».

Ника нащупала в кармане куртки перцовый газовый баллончик. Сегодня к его помощи она не прибегла — напрочь о нём забыла, а вот завтра... Ухмыльнулась: «А потом, Грачёв, я накатаю на тебя заявление в полицию».

** Этюдник — ящик с треногой. Предназначен для хранения и переноски рисовальных принадлежностей*

Глава 2

Громко захлопнулась входная дверь. Пришла мать.

Ника машинально посмотрела на часы — половина девятого. Прислушалась; в пальцах замер карандаш. Родительница никогда не приходила домой раньше десяти часов вечера.

Раннее возвращение объяснялось одним — Илона Витальевна поссорилась со своим очередным бой-френдом. Сейчас она ворвётся в комнату дочери и станет цепляться к Нике по пустякам, а та будет отмалчиваться. Всё давно сказано-пересказано и до тошноты предсказуемо.

Так и есть.

Дверь в комнату распахнулась и на пороге застыла невысокая женщина. Ника всегда недоумевала, как у её матери, миниатюрной, моложавой и всё ещё вызывающе красивой в сорок шесть лет, могла родиться такая безобразная дочь? Если бы Ника как две капли воды не походила на отца, то безоговорочно поверила бы, что её подменили в роддоме.

Илона Витальевна была не в духе.

— Снова малюешь свои картинки? — с вызовом спросила она, глядя на согнутую спину дочери. — Выпрямись, сядь ровно.

Ника демонстративно отвернулась и взялась перебирать рассыпанные на столе карандаши.

— Почему постель не прибрана?

Не удостоившись ответа, тяжело вздохнула:

— Вся в отца, такая же упрямая и... — продолжать не стала.

Ника и так знала какая: уродливая. Какая же ещё? Эту фразу мать произносила регулярно, не давая забыть дочери, кому та должна быть благодарна за свою внешность.

Отец. Ей было пять лет, когда он развёлся с матерью и по приглашению Санкт-Петербургского арктического и антарктического НИИ уехал в Северную столицу. Будучи гидрологом, через год отбыл в экспедицию в Арктику на дрейфующую научно-исследовательскую станцию.

Сейчас он живёт в Санкт-Петербурге, преподаёт в том самом НИИ, у него другая семья, двое детей. Он богат. Звонит Нике три раза в год: на день рождения, Новый год и Восьмое марта. Три раза в год она получает крупные денежные переводы теперь уже на личный банковский счёт. До её совершеннолетия алиментами распоряжалась мать. В настоящее время помощь отца носит сугубо добровольный характер. После получения диплома он пообещал дочери в качестве подарка перечислить кругленькую денежную сумму, и Ника знает, на что потратит собранные за пять лет деньги.

«Сила в деньгах», — часто повторяет мать, и дочь с ней согласна.

Первым делом она сделает себе пластическую операцию на лице — изменит абсолютно всё! Затем увеличит грудь. Несмотря на высокий рост, грудь у неё... никакая, ноль. Как

поступит с волосами, ещё не придумала, но что займётся и ими, уверена.

С невозможностью изменить себя Ника не смирилась. Давно поняла, что мужчина любит женщину не за красивую добрую душу. Нужно, чтобы всё в ней радовало и ласкало глаз.

У Ники никогда не было парня. Кому она нужна, если даже собственная мать кривится, глядя на неё?

Мама. Яркая, весёлая, общительная. Носит модные платья и всегда выглядит превосходно. У неё много друзей и подруг. Ей постоянно кто-то звонит, просит совета или помощи. Работает она юрисконсультom в крупном строительном холдинге. У неё достойная зарплата, её уважают, любят, к её мнению прислушиваются. Ей нет дела до некрасивой дочери от нелюбимого мужчины.

Ника встречалась с отцом, когда поступила в университет. Он приезжал в их город, чтобы продать в пригороде земельный участок, оставшийся после сноса ветхого родительского дома.

Встреча вышла короткой и скомканной.

Дочь и отец. Двое взрослых людей не знали, о чём говорить. Дурацкие вопросы, ответы не впопад, скованность движений и желание поскорее закончить оказавшуюся никому ненужную встречу.

Ника лишний раз убедилась в правдивости слов матери — она, в самом деле, разительно похожа на отца. Фигура,

нос, глаза, их цвет, волосы. Лишний вес. Тяжёлый подбородок скрывала ухоженная борода, смягчая грубые черты лица.

Отец избегал прямого взгляда. Ника тоже.

Расстались они с видимым облегчением.

Ника не рассчитывала на то, что он станет помогать ей во время учёбы в университете и приятно удивилась, когда он сказал ей открыть валютный банковский счёт.

Она благодарна отцу. За то, что не отказался от неё, помнит о ней, что поддерживает материально.

Нику вывел из задумчивости громкий голос матери. Она не слышала, как той позвонили, и женщина ушла в большую комнату.

Хорошо поставленным голосом Илона Витальевна консультировала очередного «просителя»:

— Соглашение и договор соотносятся как общее и частное, — мягко разъясняла она. — Всякий договор будет являться соглашением, но не всякое соглашение является договором...

Серьёзный конфликт с матерью произошёл пять лет назад, когда Ника наотрез отказалась поступать на юридический факультет.

Она всегда знала, что будет юристом. Илона Витальевна так убедила её в верном выборе профессии, что другие варианты Ника не рассматривала. Читала соответствующую литературу, легко разбиралась в специфике и понимала, о чём идёт речь. Да и бесплатный консультант всегда находился ря-

дом.

Почему-то видела себя работающей в банке.

Но в одиннадцатом классе гуманитарной гимназии что-то пошло не так.

Подруга матери, которая удачно вышла замуж второй раз, наняла дизайнера для своей новой квартиры. Ника помнила, в каком пребывала шоке от озвученной стоимости услуг и как тут же приняла решение поступать в художественный ВУЗ. Рисовать она любила, сколько себя помнила.

Её рисунки забирали на детские выставки, её хвалили воспитатели и учителя. А ей было неловко, потому что в такие минуты все смотрели на неё, на её большие некрасивые руки. Краснея и теряясь от смущения, она хотела стать невидимой, растаять, исчезнуть.

Она не ругалась с матерью, не старалась переубедить в верности своего выбора. Молча выслушала раз, другой, третий и с лёгкостью поступила на бюджетную форму обучения в педагогический университет на специальность «Педагог профессионального обучения в области дизайна интерьера».

Училась и рисовала, рисовала, рисовала. Моделировала, клеила макеты. Так как в качестве дополнительного предмета выбрала керамику, то лепила горшки своими руками, выкручивала их на гончарном круге.

Руку набила основательно. Сейчас она с почти закрытыми глазами может построить фигуру человека в рисунке, на-

рисовать портрет или написать пейзаж. Не сомневалась, что окончит университет с красным дипломом.

Неоднократно мать пыталась внушить дочери, что той не помешает второе высшее образование. Разумеется, юридическое. А Ника мечтала о другом — открыть собственную дизайн-студию интерьеров. Надеялась, что с двумя-тремя сотрудниками поладить сумеет.

Дружить она не умела, и друзей у неё не было. Вернее была подруга. Давно. Настолько давно, что вспоминать об этом не хотелось.

В третьем классе Ника подружилась с одноклассницей Анечкой — симпатичной и проказливой, из обеспеченной семьи. Училась она посредственно и постоянно просила у новой подруги списать домашнее задание.

Ника училась хорошо. Если бы была усерднее, то стала бы отличницей.

Девочки ладили. Ходили друг к другу в гости, на день рождения, играли, делились секретами, шалили.

На пятом году обучения в их класс пришла новенькая — бойкая и красивая Альбина. Анечка без раздумий переметнулась к ней. Домашние задания списывала уже у новой подруги, о старой было забыто напрочь. Даже в её сторону не смотрела.

Анечка выдала все секреты Ники Альбине. Девочки шептались за её спиной, потешались.

Ника переживала предательство тяжело и болезненно, но

вида не показывала.

Альбина проучилась в классе неполный учебный год. Будучи военным, её отец увёз семью в другой город.

Проводив Альбину, Анечка уже на следующий день, как ни в чём не бывало, подошла к Нике и попросила списать домашнее задание по русскому языку.

Бывшая верная подруга списать не дала, отвернулась и окончательно вычеркнула перебежчицу из своей жизни.

Поскольку свободного времени у Ники было в избытке, она читала всё, что попадалось под руку. Ей в одинаковой мере нравилась и историческая литература, и мемуарная, и художественная, и научно-популярная, и техническая. Благодаря цепкой памяти, из прочитанного запоминала почти всё. В старших классах много времени уделяла литературе по психологии и саморазвитию.

Наученная горьким опытом, в университете Ника ни с кем из одноклассников не сближалась. Ограничивалась коротким и ровным, ни к чему не обязывающим общением.

Закончив говорить по телефону, мать ушла на кухню. Хлопнула дверца холодильника; щёлкнул выключатель электрического чайника.

В открытое на проветривание окно врывались звуки музыки. Нике показалось, что она стала громче.

Ромка пренебрёг грозным предупреждением соседки, тем самым объявив ей войну. Кто бы сомневался.

«Война так война», — согласилась Ника и достала с полки

шкатулку. Четыре месяца назад в подъезде она отняла у соседского мальчишки слабомощную фитильную петарду. Если Ромка не уgomонится до одиннадцати часов, то придётся начать боевые действия.

Грачёв не уgomонился.

Ника выждала час и ровно в полночь вышла на улицу.

Дождя не было, как и ветра. Ночная сырость забралась под распахнутую куртку, пробрала до костей. У соседнего подъезда коты устроили бесплатный концерт. Им не спится — весна в разгаре.

Во всех комнатах Ромкиной двушки горел свет. После возвращения хозяина, окно на кухне не закрывалось никогда. Отдёргнутая тюлевая занавеска выбилась из него, намочла, обвисла, прилипла к карнизу.

Ника встала на скамью и заглянула в кухню.

Ромка спал, сидя за столом. Подперев рукой щеку, вздрагивал и ритмично дёргал головой в такт вылетававшему изо рта храпу.

Ника засмотрелась на Грачёва. Он выглядел смешным, беспомощным и даже симпатичным, но жалко его не стало.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы достать из кармана зажигалку и петарду, поджечь фитиль.

Диверсантка не промахнулась.

Громкий хлопок сопровождался яркой вспышкой.

Ника прыгнула со скамьи и спряталась под козырьком подъезда. Уйти не спешила. Со злорадным наслаждени-

ем слушала грохот падения Ромки и его отборную брань. Усмехнулась: «Вреда ноль, а страха под завязку».

Догадается Грачёв, чьих рук диверсия или нет, она узнает завтра. Лгать себе не стала — было страшно. Сердце выплясывало фокстрот, руки слегка дрожали. Пожалуй, ей не помешает дополнительно обзавестись чем-нибудь более весомым, чем перцовый газовый баллончик. Вдруг тот откажет в самый неподходящий момент.

✠

К дому она шла черепашьям шагом.

Занятия в университете закончились рано — отменили последнюю пару. Впереди ждали два выходных, но настроение застряло на нуле. Ника вздохнула. Ничего, осталось совсем немного, она уедет и забудет о Грачёве как о кошмарном сне.

Она замедлила шаг, когда у подъезда не увидела Ромки.

«Не радуйся раньше времени», — поддела себя. Сейчас он высмотрит тебя в окно и вприпрыжку выбежит встречать. Правда, окно оказалось закрытым, и музыка была чуть слышна.

В подъезд Ника вошла медленно, с опаской.

В потной ладони зажат баллончик, палец на клапане; сумка провисла от тяжести бутылки пива, купленной не для утоления жажды, а в целях самообороны.

Ромки не оказалось и в подъезде. Из приоткрытой двери в его квартиру Профессор Лебединский хриплым тембром

вещал: «Листья жёлтые над городом кружатся...»

Ника позволила себе расслабиться лишь пройдя больше половины лестничного марша. Невольно вздрогнула и сгорбилась, когда в квартире Грачёва что-то загремело.

Сдавали нервы.

Она остановилась на лестничном пролёте между первым и вторым этажами, пропуская спускавшуюся соседку.

— Божечки, этот антихрист успокоится когда-нибудь? — плаксиво заговорила шестидесятилетняя тётя Таня. — Никакой управы на него нет, — шмыгнула натёртым до красноты носом.

Ника выгнула бровь: «Будто кто-то на него управу искал».

— Ночью слышала грохот? — соседка любила поговорить. Отвечать ей было не обязательно.

Ника неуверенно пожала плечами.

Тётя Таня притормозила и взволнованно сообщила:

— Меня аж на софе подбросило. Подумала, что бомба прилетела. Не знаешь, где что чебурахнуло? У кого ни спрашиваю, никто не знает. К участковому что ли сходить?

Ника улыбнулась:

— Сходите, напишите заявление. Потом вас допросят с особым пристрастием и возьмут подписку о невыезде.

— Это зачем? — подозрительно прищурилась тётя Таня.

— Как зачем? — с воодушевлением удивилась Ника. — Фильмы про ментов не смотрите? А вдруг это вы к диверсии готовитесь? Ночью неудачно провели сборку секретного

оружия, у вас там... эмм... чебурахнуло. Теперь вы всех об этом спрашиваете, таким образом отводите от себя подозрение.

— Кто ж это дома сборку проводит? — сглотнула тётя Таня сухим горлом.

Ника промолчала и демонстративно опустила глаза на объёмную сумку соседки.

— Купила сыну новые сапоги резиновые. Вот, несу ему. Скоро грядки на даче копать, — встряхнула та сумку и бойко протянула: — Тю-ю, нашли диверсантку.

— Ещё с обыском придут, — заверила её Ника. — Адвокат потребуется. Самый дорогой.

Тётя Таня посмотрела на неё с недоверием и быстро закруглилась:

— Так и не было ничего. Никто ж ничего не слышал. Пришлось мне. Старая я, больная, страдаю нервным расстройством личности.

Ника задержалась между этажами. Закралось подозрение, что с Ромкой могло случиться что-то плохое, и кто в этом будет виноват? В окно подъезда наблюдала, как тётя Таня остановила подругу с мусорным ведром и, широко открыв сумку, показывает ей резиновые сапоги.

«Это надолго», — решила Ника и спустилась на первый этаж. Да и не увидит тётя Таня, как она разговаривает с соседом.

Можно было войти в квартиру Грачёва без предупрежде-

ния, но Ника пару раз нажала на кнопку звонка.

Разумеется, Ромка не услышал — музыка играла хоть и тише обычного, но довольно громко.

Ника сжала в кармане куртки газовый баллончик и толкнула дверь в квартиру.

Позвала Грачёва. Прислушалась.

На его сдавленный стон свернула к кухне.

Бледный Ромка сидел на полу у стены с вытянутыми в проход ногами и смотрел на Нику. Сквозь прижатые к животу растопыренные пальцы сочились кровь. Серые губы беззвучно шевелились. В широко раскрытых стекленеющих глазах стояла смертная тоска.

Чужое присутствие позади себя Ника почуяла мгновенно — лёгкий поток воздуха тронул на голове пух коротких волос.

Она отшатнулась, натываясь спиной на что-то... кого-то дюжего и рослого.

Захлебнулась воздухом. Из одной руки выпала сумка, вторая выдернула из кармана газовый баллончик.

Ника не успела ни обернуться, ни о чём-либо подумать.

Не успела дать отпор.

Жёсткая ладонь закрыла ей рот; острая боль обожгла бок — раз, ещё раз, ещё.

Перед глазами дрожащим маревом растеклась кровавая пелена, окутала удушающей волной, лишила сил.

Страшно...

Страшно ощущать, как медленно и неотвратно подбирается боль к пока ещё живому трепетному сердцу, как стынет в нём кровь, как затихает его стук, как в мутнеющее сознание вторгаются слова песни в исполнении Лебединского:

— *Вот и вся любовь! Талая вода,
Хочешь, я вернусь, но не навсегда.*

Глава 3*

— Не дышит, — с испугом произнёс девичий голос.

— Дышит, — возразил ей с заметным облегчением тихий, постарше.

Ника глубоко вдохнула и застонала от боли в груди. Сбросила с себя край невероятно тяжёлого одеяла. Облизнула сухие шершавые губы.

— Дай ей воды, — сказал женский голос повелительно.
— Подушку поправь, укрой.

Ника почувствовала как её губ коснулось что-то холодное и приоткрыла рот. Очень хотелось пить. Но живительного глотка не дождалась — вода пролилась, потекла по подбородку, шее, впилалась в ворот сорочки.

— Что ты делаешь, безрукая, — недовольно отчитали неумёху.

Когда шеи Ники коснулась грубая ткань и прошла по коже наждачной бумагой, девушка зашипела и вскинула руку к лицу. Что-то было не так. Что именно, понять не могла. С трудом разлепила веки, повернула голову на голос и сфокусировала взгляд на лицах женщин, стоявших у её кровати.

Одна из них, немолодая, полноватая, хорошо одетая, с величавой осанкой, подалась к ней и коснулась её щеки прохладной рукой:

— Очнулась, милая. Вот и славно, — улыбнулась мягко.

— Я же говорила, что всё будет хорошо, — выдохнула с облегчением вторая — молодая, высокая, слегка сутулая. Её голову полностью покрывал большой и свободный белоснежный чепец с накрахмаленными тесёмками, ниспадавшими на плечи. — Надо бы ей сорочку сменить.

— Смени.

Старшая женщина потянула за длинный тонкий шнурок, крепившийся к её поясу. Сняла с крючка связку ключей и подала молодежи:

— Возьмёшь из тех, что сшиты из набойки*, доставленной нам из Ост-Индии.

Ника присмотрелась к одежде молодежи. Яркий оранжевый корсаж — точно, корсаж*! — по цвету и фактуре контрастировал с зелёным платьем и серым передником. Жуткая безвкусица!

Воздух пришёл в движение; вспыхнул и затрепетал яркий язычок пламени керамической масляной лампы.

Ника глянула на неё, стоявшую на круглом прикроватном столике. Где-то она видела такую. Где, вспомнить сию минуту не смогла и вновь переключила внимание на старшую женщину.

На тёмно-синей ткани её глухого с пышной юбкой платья выделялся белый, стоячий, туго накрахмаленный воротник с кружевными вставками. Такие же широкие манжеты украшали узкие рукава. Пышные седые волосы заплетены в сложную причёску из множества завитых локонов и коси-

чек, украшенную кружевной наколкой. Чистое, гладкое, хоть и немолодое лицо, сохранило остатки былой красоты. Сколько ей лет? Пятьдесят? Шестьдесят?

Ника ничего не понимала. Отчётливо помнила, как после разговора с соседкой зашла в квартиру Грачёва и там... Она вздрогнула и расширила глаза. Ромка... Помнила его полный предсмертной тоски взгляд, вытекающую из раны кровь.

Она никогда не видела, как умирают люди. Что Ромка умирает — поняла мгновенно, без слов.

Понимал и он.

Понимают все, рядом с кем ты находишься в их последние минуты земной жизни.

Тебе страшно, ты растерян.

Ты бессилен что-либо изменить, не можешь ничем помочь. Не можешь облегчить боль, обнадежить, подбодрить. Слова кажутся бесполезными, ненужными.

Ромка умер, а она, вот, выжила и, наверное, лежит в больнице. Только находившиеся рядом женщины не похожи ни на медсестёр, ни на врачей.

Ника недоумевала.

— *Что за гадство?* — вырвался из её горла свистящий хрип; глаза блуждали по спущенному пологу кровати — бархатному, тяжёлому.

— Что ты сказала, милая? — наклонилась к ней седовласая.

Ника уставилась в её покрасневшие глаза с «гусиными

лапками» морщин. Спросила:

— *Где я?* — язык слушался плохо; губы одеревенели; кашляющий голос казался чужим.

Женщина её не поняла, и понять не старалась. Больная очнулась — это для неё главное.

Ника чувствовала себя не просто больной, а обессиленной и смертельно уставшей. При попытке приподняться дыхание перехватило от резкой боли в груди, в голове словно петарда взорвалась, из глаз брызнули слёзы.

Её настойчиво вернули в постель, напоили тёплой медовой водой.

Женщина погладила её ладонь, лежавшую вдоль тела, сжала пальцы:

— Сколько раз говорила тебе, Руз, слушайся брата, не перечь ему, почитай его. Он старший в семье, заботится о нас.

Она склонилась к ней, приблизила к своему лицу её ладонь, поцеловала тыльную сторону:

— Даст Господь, в скором времени найдётся для тебя хороший человек, выйдешь замуж, родишь деток, заживёшь счастливо.

Она повернулась к вернувшейся со стопкой белья молодой особе и раздражённо сказала:

— А ты чтобы впредь внимательнее была и не оставляла под ногами утварь. Из-за твоего ротозейства моя дочь едва не лишилась жизни!

— Не оставляла я ничего, — с громким возмущением воз-

разила ротозейка, возвращая ключи.

— Не перечь мне! — повысила голос седовласая. — Отправлю назад в деревню к матери!

— Хоть убейте меня, не оставляла!

Ника не слушала бурный спор женщин. Она не спускала глаз с руки, которую седовласая держала в своих ладонях, целовала и гладила.

Гладила и целовала узкую кисть с тонкими длинными пальцами и розовыми ногтями, отполированными до блеска. Изящную и хрупкую.

Ника обмерла — рука была не её!

Тогда почему так явно ощущается ласковое тепло чужих рук?

«Предсмертный бред», — тяжело вздохнула она, закрывая глаза.

— Руз, ты слышишь меня? — наклонилась женщина к её лицу.

Ника снова открыла глаза и встревожилась не на шутку. Почему от неё не отстают? Она никогда ранее не видела этих женщин, не знает их, но они знают её, мучают расспросами, надоедают, трогают.

«Руз?! Её назвали Руз!» — дошло до неё с опозданием. Седовласая назвала её дочерью и помянула о брате.

— Чего-нибудь хочешь, милая? — заглянула женщина в её глаза.

«Хочу, чтобы вы отстали от меня», — Ника закрыла глаза

и отвернулась.

— Сорочку бы ей поменять, — напомнила ротозейка громко.

Согласие у Ники не спросили. Ослабевшая, она упиралась, но её усадили и сняли с неё сорочку.

Ника смотрела на чужие оголившиеся груди с розовыми сосками, плоский живот, тонкие руки. Густые длинные волосы путались под руками ротозейки, она то и дело дёргала их, причиняя боль, которую почему-то чувствовала Ника.

Она молчала и терпела. Ждала, когда зрительная и слуховая галлюцинации исчезнут, и она вернётся в явь.

Но явь возвращаться не спешила.

Нику вернули на постель, укрыли одеялом.

— Хенни, идём, — сквозь шум в ушах слышала она. — Пусть Руз поспит. Господь милостив, не оставил нас в час печали, не оставит и впредь. Якоб будет рад.

Женщины дружно, расслабленно вздохнули.

— Хозяйка, надо бы доктора позвать, господина Ломана, — сказала Хенни.

— Зачем? Всё обошлось, — спокойно отозвалась седовласая.

— Синяк у госпожи уж больно нехороший. Видать, ушиблась сильно. Вон, сколько времени недвижимо пролежала.

— Не преувеличивай, Хенни. Руз быстро поправится. Идём, куриного бульона ей сварим. Ты же утром не всю курицу приготовила?

— Кусочек грудки остался. Я его посолила и в погреб снесла.

— На синяк Руз наложишь повязку из свёклы с мёдом. Поняла? Сорочку старую дам. Слышишь меня?

Ника поморщилась, найдя голоса женщин неприятными. Впрочем, дело было не в голосах. Язык, на котором они говорили, можно было назвать хрипящим, шипящим, кашляющим, но никак не певучим и приятным для слуха. Ощущение, что говорившие простужены, не покидало ни на минуту.

Нике казалось странным, что ранее она не слышала этого языка, но женщин по непонятной причине понимала превосходно.

Как только за ними закрылась дверь, она села в постели и еле слышно прошептала:

— Бредятина. Не может такого быть.

— Может, — с готовностью откликнулось подсознание. — Ещё как может. О попаданцах в чужое тело читала?

«В тело?» — насторожилась Ника. Она читала. И фильмы смотрела. Сказка!

— Страшно? — хихикнуло подсознание. — Не верится? Девушка быстро сообразила, что, умерев в своём времени, запросто могла воскреснуть в другом. Её душа заняла чужое, освободившееся тело.

Согласно легенде кошки имеют девять жизней. Сколько жизней у человека? Говорят, что человеческая душа перевоплощается столько раз, сколько нужно, чтобы стать совер-

шенной, подобной Творцу.

— Твой случай, — ликовало подсознание. — Первый шаг к совершенству. Радуйся свободе и живи новой жизнью.

Ника задумалась: душа Руз умерла или поменяла обличье, освободив телесную оболочку для новой души. Причиной её ухода стала нерадивость Хенни.

Седовласая, то есть мать Руз, сказала, что Хенни что-то не убрала из-под ног, её дочь зацепилась и упала. Ударилась до того сильно, что из тела вышибло дух.

Верно, болят грудь и голова.

Ника ощупала голову. Гематома размером с куриное яйцо — никак не меньше! — нашла на затылке.

Подняв сорочку, Ника с пристрастием рассматривала между упругими девичьими грудями огромный, сизый, болезненный синяк. Ещё нужно умудриться упасть так, чтобы заполучить одновременно две нешуточные гематомы в противоположных местах тела. Либо синяк спереди появился раньше, а причиной смерти Руз стали падение и удар головой.

А что стало причиной твоей смерти, Ника?

За что зарезали Ромку — понятно. Он сдал подельников, предал тех, с кем не один год ходил в одной связке, кто ему верил. Подобное в криминальных кругах не прощают. Отомстили.

А тебя за что убили? Оказалась не в то время не в том месте?

Если бы в тот день в универе не отменили последнюю пару...

Если бы Ника не зашла в магазин, чтобы купить бутылку пива...

Если бы пошла домой быстрым шагом...

Если бы...

Её похоронят в один день с Ромкой. И не на третий день, как положено. Их тела будут лежать в морге в холодильнике, пока не закончится следствие. Нет, мать потребует выдать её тело раньше. Она сможет.

От мыслей о матери у Ники сжалось сердце. Она скривилась; по щекам потекли слёзы — горячие, живые. Девушка вытерла их и горько расплакалась.

Какой бы нелюбимой дочерью она ни была, но мама одинокой себя никогда не чувствовала. Как и Ника. Они были друг у друга. Теперь мама осталась одна. Без поддержки, без родной души рядом.

Ника? Её тело предадут или уже предали земле. Душа улетела чёрт знает куда и оккупировала чужую телесную оболочку. Седовласая не заметила подмены, для неё всё осталось по-прежнему, её дочь рядом.

Похоже, придётся смириться с этим и принять всё как есть.

Ника судорожно вздохнула. Предстояло узнать, в какое время попала её душа, чем занималась её предшественница, о чём думала, о чём мечтала.

Предстояло понять, получила ли Ника вместе с новым обликом знания, которые были у прежней хозяйки тела. Возможно, жизнь в новом для неё времени придётся начинать с нуля.

Девушка отбросила одеяло. Чужими, непривычно маленькими руками, ощупала бёдра, ровные ноги, небольшие ступни с аккуратными пальцами. С нервным смешком пощипала их — щекотно. Поправила упавшие на лицо волнистые волосы — русые, с медовым оттенком, мягкие и пышные. Понюхала их.

Растёрла ладонями лицо.

Зеркало! Ей срочно нужно посмотреть на себя в зеркало!

Ника спустила ноги и едва не упала, когда не ощутила под стопами пола. С глухим вскриком съехала с кровати на широкую скамью, приставленную к невероятно высокой кровати. Настолько высокой, что казалось, будто она стоит на возвышении.

Качнулась на скамье и спрыгнула на пол. В голове ухнуло; дыхание спёрло от боли в груди.

Ника согнулась, упёршись глазами в пол, оформленный серо-коричневой квадратной плиткой классическим шахматным рисунком. Отдышалась. От вида белого горшка открылся рот; брови поползли на лоб.

Ступни машинально просунулись в туфли без задников, стоявшие рядом, руки осторожно сняли со спинки стула и набросили на плечи тяжёлый синий бархатный халат с мехо-

вой опушкой по горловине и рукавам.

Отработанным движением чужих рук Ника затянула на талии пояс, освободила из-под ворота халата волосы, свернула их жгутом. Размашистый жест отозвался болью в затылке — гематома на месте.

Потерянным взглядом девушка блуждала по обстановке небольшой сумрачной комнаты, тёмному потолку с незакрытыми балками с поперечными перекрытиями.

Света масляной лампы оказалось недостаточно, чтобы всё рассмотреть в деталях. Но по тому, что бросалось в глаза, Ника поняла, что находится не в двадцать первом веке. А если вспомнить одежду женщин...

Зеркало нашлось тут же, у стены: в полный рост, на ножках, в простой деревянной раме.

Вскрик удивления вырвался из горла Ники глухим сдавленным сипением. Из глубины зеркала на неё смотрела девочка, даже отдалённо на неё непохожая.

Ника придирчиво изучала незнакомку: лет восемнадцати-двадцати, выше среднего роста, с тонкой талией, стройную, белокожую.

Повертела перед собой чужими руками, слушавшимися её безоговорочно. Усмехнулась: «Бездельница и белоручка».

Если с грудью и фигурой у незнакомки было всё лучше некуда, то лицо, на взыскательный взгляд Ники, она бы красивым не назвала.

Красивым с точки зрения девушки двадцать первого ве-

ка. Ни пухлых губ, сложенных «уточкой», ни широких идеально откорректированных бровей, ни длинных густых наращённых ресниц.

У Руз и нос длинноват, и губы узковаты, и лоб высоковат. Обладая художественным вкусом, Ника назвала бы новое лицо аккуратным, но скучным. Тем не менее его нежный овал, серо-голубые глаза — у Ники были зелёные с жёлтой радужкой, — тонкая кость, создававшая ощущение хрупкости, красивые волосы с лихвой компенсировали «недостатки».

«М-да, быстро же ты приняла чужое обличье», — грустно улыбнулась она, получив ответную белозубую улыбку Руз. Лицо заметно изменилось, стало милее. Улыбка ей шла.

Ника гримасничала, всё больше убеждаясь, что новый образ ей нравится. Пусть девчонка не красавица, но есть в ней что-то необъяснимое, что заставляет задержать на ней взгляд и вызывает невольное желание заслонить собой, затолкать за спину, спрятать, защитить.

** В отличие от корсета, корсаж не исправляет видимые недостатки фигуры, а выполняет исключительно декоративные функции.*

** Набойка — штамп, нижнюю часть которого погружали в краску и набивали рисунок на белой ткани.*

Набойка была известна у многих народов, начиная с X-XII

веков, но наибольшую популярность получила в XVI – XVII веках, когда набивные ткани были завезены в Европу из Индии. Именно Индию считают родиной набивных тканей

Глава 4*

Ника подошла к узкому окну, верхнюю часть которого украшала цветная мозаика. Обвела пальцем крошечный квадратик стекла, оправленного в свинцовый оконный переплёт*. Отдёрнула воздушные кружевные шторы.

В предвечерних сумерках с высоты второго этажа хорошо просматривался задний дворик. К нему вела выложенная плиткой дорожка. На пятачке земли с остатками прошлогодней травы под напором ветра качалось чёрное дерево, стелился голый кустарник.

«Ранняя весна», — решила Ника, рассматривая за глухим зелёным забором видневшийся шпиль какого-то здания. Поёжилась и отвернулась. Глаза упёрлись во встроенную в нишу кровать*, похожую на шкаф, с которой она чуть не свалилась.

Кровать оказалась ещё и короткой. Будь Руз выше, спать бы ей пришлось сидя.

«Не делают же они их на заказ с учётом роста, как гробы?» — изумилась Ника.

От невольного сравнения пробрала дрожь. Глаза переместились на прикроватный столик на фигурных ножках.

Огонёк масляного светильника отразился на боку серебряного кувшина с узким горлышком, мигнул в глубине бокала из зелёного стекла, подсветил рельефный ободок плос-

кой тарелки, запутался в складках смятой белой салфетки. Потух.

На краю стола лежала толстая книга с закладкой.

«Библия», — не удивилась девушка, пройдясь ладонью по коричневой кожаной обложке старого, потрёпанного издания.

А вот и умывальник — таз и кувшин с водой теснятся на узком столе в углу. Здесь же на стене висит маленькое зеркало, на низкой полке выступает щётка для волос, в аккуратном ящичке сгрудились разновеликие флакончики с разноцветным содержимым.

Ника осмотрелась в поисках бельевого шкафа. Его не оказалось. Вспомнила, что сорочку для неё принесли из другой комнаты. Глаза зацепились за сундук — большой и роскошный. Резьба по дереву немного грубоватая, но это же дерево!

Тяжёлая крышка поддалась с трудом. Ника посетовала на слабые руки Руз.

— Нежное создание, — проворчала она, заглядывая в сундук, доверху набитый вещами.

Перебирала бесконечные рулончики узкого и широкого кружева, стопки воротников и манжет, головные и носовые платки, чепцы, атласные ленты всевозможных цветов, новенькие ночные сорочки — всего много, слишком много. Приданое Руз? Скорее всего.

У стены примостился стул с перекладинами на ножках, с высокой прямой спинкой и удобными подлокотниками. Низ-

кое сиденье и спинка обиты гобеленовой тканью. Ровные ряды медных гвоздиков блестят отполированными круглыми шляпками. Похожий стул, без подлокотников, стоит у кровати.

Ника точно видела где-то подобное.

«Где?» — мучилась вопросом.

Она осмотрела комнату ещё раз. В глаза бросилась широкая резная рама небольшой картины, висевшей между окном и кроватью.

Ника узнала пейзаж с ветряной мельницей у ручья* Якоба ван Рёйсдала, нидерландского живописца и гравёра семнадцатого века, творчество которого ей хорошо известно.

Она подошла к стене вплотную, дотянулась до холста, сохранившего свежесть и яркость красок. Кончиками пальцев прошла по его шероховатой поверхности.

«Отличная копия, причём не так давно исполненная», — восхитилась талантом неизвестного художника.

Соблюдены и манера письма маленькими мазками, кстати, кисточкой из двух волосков, и цветовая гамма, и низкий горизонт, и небо, и облака, занявшие половину полотна. Сейчас картина находится в коллекции королевы Елизаветы Второй, выставлена в Королевской галерее Букингемского дворца. Её приобрёл король Георг Четвёртый в 1810 году.

В задумчивости Ника вновь осмотрела комнату. Что-то назойливо вертелось в памяти — то выступало на передний план, то удалялось, словно дразнясь.

Перед глазами проплыла непрерывная череда расплывчатых образов. Казалось, девушка смотрела в мутное зеркало, не имея возможности усилить резкость изображения. У неё было такое, когда она лечила глаза.

Взгляд остановился на бокале из зелёного стекла и Ника вспомнила. Всё это она видела на картинах малых голландцев*! И рёмер* оттуда же, и посуда, и мебель в стиле барокко, и пол, выложенный двухцветными квадратами, и одежда на женщинах, и вид за окном...

Неужели её забросило в Нидерланды?

«В семнадцатый век?!» — содрогнулась Ника от коварной догадки.

Дышалось с трудом, в висках запульсировала кровь. Вдобавок ногу свела судорога.

— Ещё и это, — застонала девушка, растирая мышцу в месте внезапной боли.

Сгибала и разгибала сведённую судорогой ногу. Охала, стонала.

Шаги за дверью слышала не сразу.

Размеренные и тяжёлые, они звучали неприятным эхом, отдаваясь в груди громкими, болезненными ударами сердца.

«Якоб!» — в приступе паники заметались мысли.

Дыхание вдруг стало тихим, неслышным. Так дышат спрятавшиеся дети, когда боятся выдать своё присутствие.

Ника понимала, что не может бояться того, кого не знает и уж точно никогда не видела. Боялась не она, боялась Руз.

Не чувствуя боли в ноге, она не сводила с двери тревожных, насторожённых глаз. Не в силах стянуть у горла отороченный мехом воротник халата, мелко задрожали ослабевшие пальцы.

Якоб вошёл не спеша. Закрыв за собой дверь, остановился и посмотрел на сестру:

— Рад, что ты во здравии, Руз.

Окинув её стать, прошёл к стулу, сел. Стул скрипнул под тяжестью его тела.

Ника украдкой рассматривала молодого мужчину.

Лет тридцати, чисто выбритый, статный. Русые волосы забраны в короткий небрежный хвост. На лбу завиток выбившейся пряди. Голубые глаза смотрят пристально, выжидательно.

Надменное и властное выражение не портило его красивое лицо с правильными чертами. В нём чувствовались внутренняя сила и неуступчивость. Он походил на мать, что объединяло их и безошибочно указывало на кровное родство.

Одежда неброская, однако сшита из качественной ткани: выбеленная льняная рубашка, полукафтан из толстого чёрного сукна, штаны в обтяжку, высокие мягкие сапоги с разводами от плохо смытой грязи.

— Ты же помнишь, что утром я должен забрать у тебя готовый документ, — не спрашивал, утверждал. — Крайний срок вышел.

Ника молчала, не зная, что имеет в виду Якоб. Подсказок от Руз не ждала. То, что понимает язык обитателей дома, считала большой удачей. Могло быть гораздо хуже. А вот уверенности, что сможет произнести хотя бы слово на чужом, незнакомом языке, не было.

Она перестала дрожать, успокоилась — мужчина не вызвал в ней безотчётного страха, который поначалу передался ей от Руз. Но возникшая между ними напряжённость не покидала.

— Как твои глаза? — спросил Якоб.

Ника неопределённо пожала плечами, и он удовлетворённо кивнул:

— Ты не должна испортить документ, как в прошлый раз. Второго такого нет.

Он встал, подошёл к девушке, привлёк к себе. Широкая ладонь надавила на её голову, уложила себе на грудь. Горячее дыхание опалило ухо:

— Я выхожу в ночной дозор, тебе никто не помешает, — коснулся сухими губами её волос на виске. — Обещаю, больше докучать тебе не буду. Этот раз последний.

Ника вздрогнула.

Перед глазами калейдоскопом завертелись чёрно-белые картинки чужого воспоминания. Стремительно сменяя одна другую, они замедлили ход, давая возможность наблюдать со стороны за разворачивающимися событиями.

Ника увидела большую комнату с кроватью-шкафом в уг-

лу. Глаза выхватили распахнутый шкаф-кабинет* на изогнутых, расширявшихся кверху ножках. Воображение поразили множество выдвижных ящичков в нём.

Руз сидела у окна за массивным столом на высоких точёных грушеобразных ножках и, подняв голову к склонившемуся над ней Якобу, с испугом смотрела на него.

Брат махнул перед лицом сестры смятым в кулаке листом плотной бумаги.

Взметнувшееся пламя свечи осветило его искажённое злобой лицо с потемневшими глазами — холодными и безжалостными.

— Ты испортила важный документ, — свистящим шёпотом произнёс он.

— У меня болят глаза, я стала плохо видеть, — заныла Руз.

Ника вслушалась. У неё оказался слабый, безэмоциональный, но приятный мелодичный голос.

— У меня дрожат руки, — Руз протянула дрожавшие ладони. — Я говорила тебе, просила дать мне немного времени на отдых.

Якоб схватил её за запястье, сжал:

— У меня нет времени. Заказчик заплатил двойную цену за срочность.

— Верни ему деньги.

— Что?! — нервно рассмеялся Якоб. — Поздно, сестрёнка. Я их уже вложил в дело.

— А дело в таверне «Старина Ханс»? — усмехнулась она.

— Снова не на того петуха поставил?

— Не смей... — погрозил он пальцем у её лица, с видимой силой сдерживая себя от желания наказать сестру за неповиновение. Лишь тихо добавил: — Неблагодарная.

Руз отрицательно закачала головой:

— Не могу... Не буду. Я устала.

— Можешь, — задышал брат с тихой злобой.

Он держал её за плечи, медленно давил на них, глядя в её наполненные слезами глаза. По его виску стекала капля пота.

— Подписанный документ мне нужен к утру.

Руз рванулась в сторону в порыве встать.

— Ты не можешь отказаться и уйти, — удержал её Якоб.

— Только не в этот раз.

Она вывернулась из его рук, вскочила со стула и бросилась к двери. Распахнув её, метнулась в сторону соседней комнаты, но зацепилась за что-то, лежавшее на полу, и полетела на угол стоявшей у стены скамьи.

Ника услышала звук удара и в тот же миг увидела, как Руз упала на пол. Прижав руки к груди и корчась от боли, она зашлась в глухом болезненном стоне.

Якоб не остался безучастным. Он поднял сестру, вернулся с ней в комнату, усадил к себе на колени, бережно прижал к груди:

— Больно? Хенни снова бросила щётку где попало? Вернись с дозора и высеку розгами эту нерадивую девку.

Гладил плечи беззвучно плакавшей Руз:

— Прости, сестрёнка. Обещаю, этот раз будет последним.

— У тебя каждый раз последний, — всхлипнула Руз, морщась от боли.

Якоб уговаривал. Голос стал ласковым, просящим:

— Этот раз будет самым-самым последним. Ты должна мне помочь, слышишь?

Руз упиралась:

— У меня болят глаза.

— Возьми больше свечей. Ну, не капризничай.

Он осторожно снял её с колен и подтолкнул к двери:

— Иди, отдохни, а мне пора идти на службу.

В спину ей неслоься:

— Ты же знаешь, как для меня... для нас это важно. И помни, у тебя есть одна попытка. Испортить бумагу нельзя. Уж постарайся.

Ника видела, как ссутулившаяся Руз неверной походкой шла в свою комнату, как прижимала руки к груди, унимая сильную боль.

Видела её бледное лицо, дрожавшие губы.

Видела, как, всхлипывая и утирая безутешные слёзы, Руз стянула с себя верхнее платье, расшнуровала тесный корсет, набросила халат. Путаясь в его длинных полах, кое-как взобралась на кровать и отбросила одеяло. Наткнувшись на обжигающую медную грелку*, в испуге отшатнулась.

Как в замедленной съёмке Ника видела, как девушка с высоты лежа спиной падает на мраморный пол.

Широко открыв глаза, Ника голосом Руз произнесла:

— Хенни, сколько раз я говорила тебе, чтобы ты оставляла грелку в ногах. В ногах!

Ника сморгнула, и видение пропало. В ушах затихающим эхом звучали слова Якоба:

— Я ухожу в ночной дозор, тебе никто не мешает... Обещаю, больше тебе докучать не буду. Этот раз последний... последний... последний...

Перед ней стоял брат Руз и выжидающе смотрел на неё.

Ника часто задышала и прижала руки к ноющей груди. Каждое движение отдавалось тупой болью в затылке. Память Руз вернулась, показав будущей владелице тела историю смерти бывшей хозяйки.

Вот и всё. Руз нет. Есть Ника в её обличье, и она должна делать, что ей велит Якоб — теперь её брат. Для начала следует разобраться, о каком документе идёт речь и что там нужно подписать.

Помимо воли она прошептала:

— Ты всё время говоришь, что этот раз последний, и каждый раз всё повторяется.

Ника ощущала себя странно. Не укладывалось в голове, как она, думая на русском языке, без труда говорит на незнакомом?

Якоб поцеловал сестру в лоб:

— В этот раз воистину всё. Бумаги в моей комнате на столе. Свечи возьми в шкафу.

Ника забралась в ещё тёплую постель и закрыла глаза. Всё же ей повезло, что вместе с телом Руз осталась её память.

«Ты же поможешь мне, Руз? Мы обязательно подружимся», — массировала она виски, не имея ни малейшего понятия, как станет дружить с... кхм... телом. Однако другого выхода у неё нет.

Человек привыкает ко всему. Она сможет привыкнуть и к новому имени, и к непривычным условиям жизни, и к тому, что у неё есть такие вот мать и старший брат. С остальным она как-нибудь справится.

** Малые голландцы — условное название голландских художников семнадцатого века, писавших небольшие по размеру картины.*

** Свинцовый оконный переплёт (свинцовая оплётка) — гибкая свинцовая лента с профилем, опоясывающая стёкла. Переплёт создавался для того, чтобы удерживать и скреплять между собой фрагменты стёкол, формирующих единую композицию*

** Кровать-шкаф. Спали полусидя на куче подушек. В Нидерландах того времени считалось, что лежать могут только мёртвые*

* Рёмер — римский бокал — ёмкость ровно 250 мл. Декоративное украшение на ножке предназначено не только для красоты, но и для практической цели — удерживать скользящий стакан. Ножка полая. Когда вино ещё не умели фильтровать, осадок собирался в ножке бокала. Пропорции бокала сохраняются до сих пор.

Виллем Клас Хеда (1594 — 1682), голландский живописец, мастер натюрморта

* Якоб Исакс ван Рёйсдал (1628/1629 — 1682), пейзажист золотого века нидерландской живописи

Картина «Вечерний пейзаж. Ветряная мельница у ручья», 1649 год

Ян Вермёр (1632 — 1675), нидерландский живописец, мастер бытовой живописи и жанрового портрета

Картина «Бокал вина», 1658 — 1660 годы. Берлинская картинная галерея

* Первые шкафы-кабинеты купцы из Голландии заказывали в Китае. Позже голландские мастера стали изготавливать их сами

* Медная грелка для постели заполнялась горячими углями

Питер де Хох, голландский живописец (1629 — 1684)

Картина «Мать у колыбели». Жаровню-грелку видите?

Такой покалечить можно)

Глава 5*

Когда Хенни едва ли не силой толкнула ей в руки корсет, Ника отказалась его надеть. Отстранившись от служанки и отворачиваясь — от той противно пахло чем-то кислым, — она возразила:

— Зачем он мне? Я же никуда не иду.

— И не идите, — не смутилась Хенни. — Раз положено...

— Кем и куда положено? — уточнила Ника язвительно, сдерживая нарастающее раздражение. В смерти Руз винила именно Хенни. Прочитать бы негодяйку как следует! Убила бы её, если бы могла!

— Что? — не поняла та. — Госпожа...

— Господа все в Париже, — перебила её Ника, торопливо застёгивая лиф платья.

Вертелась у зеркала, радуясь наличию груди, оглаживая её. Молча восторгалась длинными волосами — красота! Даже настроение поднялось. И неважно, что длинное и тяжёлое домашнее платье непривычно стесняет движения. Зато оно тёплое, а в комнате прохладно. Правда, на ней надеты шёлковые шаровары до колена, украшенные вышивкой, и чулки на подвязках. Мягкие бесформенные туфли на толстой подошве согревают ступни.

— Ты почему снова положила грелку не туда, куда я велела? — спросила Ника у Хенни, наблюдая за ней в зеркаль-

ном отражении.

— Куда? — служанка держала расправленную распашную укороченную накидку*, отделанную мехом горноста́я.

— Я просила класть грелку в ноги, а ты куда положила? Думаешь, я стану молчать, что из-за твоей халатности слетела с кровати и разбила голову? Показать гематому? — голос Руз стал жёстче и на пару тонов ниже, напомнив собственный голос Ники.

— Кого... показать? — в руках Хенни дрогнула накидка.

— Не кого, а что. Безразмерный синяк... шишку на моей голове. Результат твоего ротозейства! — повысила голос Ника, всматриваясь в молодую женщину. Либо она на самом деле бестолковая, либо искусно играет роль таковой. Глупым жить проще, с них взятки гладки.

— Тогда я покажу хозяину, что вы прячете под сундуком, — Хенни с превосходством скосила глаза в его сторону.

«Шантаж?» — вздёрнула Ника бровь. Неожиданно и очень неприятно. Сердце Руз трепыхнулось и замерло. В душе нарастала тревога.

Мать, брат, прислуга... Кем для каждого из них была Руз? Покорным, бессловесным существом, позволявшим собой помыкать и неспособным за себя постоять?

Мать не стала звать врача, чтобы убедиться, что с дочерью всё в порядке. Отмахнулась, не слишком озабочена её состоянием после полученной травмы.

Якоб силой заставляет её делать то, чего она делать не мо-

жет и не хочет. Он хозяин и именно ему Хенни собирается показать тайник Руз.

Служанка обнаглела. Вот, пожалуйста, шантажирует её. Как долго она это делает и как далеко зашла в угрозах?

Ника повернулась к Хенни и рывком забрала из её рук накидку. Что бы ни было спрятано под сундуком, а поставить на место зарвавшуюся прислугу не помешает.

— Покажи, — спокойно отозвалась она. — Только помни, что это будет последним, что ты сделаешь в этом доме.

На Хенни она посмотрела с опаской. Не перегнула ли палку и не сказала ли чего лишнего?

Вспомнив, что Якоб грозился выпороть прислугу, и мать Руз тоже со служанкой не церемонилась, Ника успокоилась. Если она скажет что-нибудь не то или сделает не так, то всегда можно сослаться на головную боль и временную потерю памяти.

Палку она не перегнула. Хенни молчала, опутив глаза. Пора добавить несколько финальных штрихов:

— Уж я позабочусь, чтобы все хозяева в округе узнали, что ты не только безответственно относишься к своим обязанностям, а и подсматриваешь и подслушиваешь за господами.

Ника с довольным видом смотрелась в зеркало. Привыкала к себе новой. Объёмная и лёгкая накидка прикрыла бёдра и не мешала двигаться:

— После этого работу в приличном месте ты не найдёшь.

А теперь иди. Не забудь забрать поднос.

Ника немного поела — для вида. Аппетита не было. Да и откуда ему взяться?

Золотистый бульон с кусочком куриной грудки показался недосолённым и безвкусным, а творог кисловатым.

Пригубила сладкое пряное вино. Если его подали — значит Руз его пила.

Понравились вяленые яблоки, абрикосы, инжир, чернослив, орехи в меду и марципановое печенье с нежным вкусом и миндальным послевкусием.

Ника с интересом наблюдала за служанкой. Та, поджав губы, собрала остатки трапезы и, более не проронив ни слова, ушла с заметно испортившимся настроением.

Под сундуком девушка нащупала простенькую деревянную шкатулку. Эх, Руз, нашла куда её спрятать! Кто моет пол в комнате? Неудивительно, что о ней знает Хенни.

Ника села у прикроватного столика и с волнением открыла шкатулку. В свете масляной лампы сверкнули серебряные монеты.

Пересчитала их.

«Сорок три... гульдена», — название денежной единицы naprosилось само.

Девушка вспомнила, что великий Рембрандт*, живший в Нидерландах в середине семнадцатого века, продавал свои эстампы и офорты за сто гульденов каждый.

В бережно завернутом лоскутке бархата Ника нашла

необыкновенной красоты серьги-капли. Безусловно очень дорогие. Крупные небесно-голубые сапфиры чистейшей воды и удивительной огранки заискрились, заиграли на ладони.

На дне шкатулки лежал сложенный вчетверо плотный лист бумаги, оказавшийся разрешительным письмом на путешествие по землям Соединённых провинций с правом проходить в ворота городов без уплаты пошлин и сборов на себя и товар.

В нём указаны полное имя путешественницы — Руз ван Вербум, год рождения — 1656, место рождения — город Зволле.

Далее шли рост, описание внешности и дата выдачи документа — март, 1675 год.

«Своего рода паспорт*», — догадалась Ника, не удивившись, что свободно читает написанное.

Если Руз брала письмо в этом году, то ей уже есть или будет девятнадцать лет. Почему она прячет «паспорт», украшение и деньги? От кого? От матери или Якоба? От обоих?

Ника не успела вернуть шкатулку на место.

Дверь отворилась и вошла мать Руз со стаканом молока на серебряной тарелке.

«Легка на помине», — вздохнула Ника, пряча шкатулку под полой накидки.

Хозяйка дома приготовилась ко сну. На её ночную сорочку был наброшен пёстрый стёганный халат; распущенные во-

лосы рассыпались по плечам и оказались не такими густыми, как ожидала увидеть Ника. Из чего сделала вывод: множество завитых локонов и косичек в дневной причёске женщины накладные, искусно уложенные, от собственных не отличить.

— Как ты себя чувствуешь, милая? — спросила мать, приглядываясь к дочери. — Хенни наложила тебе повязку на грудь?

Ника утвердительно кивнула, не понимая, как смешанная с мёдом измельчённая свёкла облегчит боль в груди? Если бы нужно было съесть массу, чтобы избавиться от боли, Ника бы рискнула.

С унылым выражением лица женщина подождала, пока дочь выпила тёплое молоко с мёдом и забрала стакан. Пожелав ей сладких снов, добавила:

— Слушайся брата. Он единственный, кто о нас заботится, — и, поцеловав её в лоб, вышла.

Ника приоткрыла дверь в коридор и проследила за женщиной. Та спустилась на этаж ниже.

В доме воцарилась тишина.

Ника чуть выждала и вышла из комнаты, забрав шкатулку с собой. Пришло время выполнить задание Якоба.

В тёмном коридоре над скамьёй на полке стояла масляная лампа. Её скудного света едва хватало, чтобы сориентироваться в небольшом пространстве.

У Ники кольнуло в груди при виде скамьи, на которую

упала Руз. Она сняла лампу и подошла к узкой винтовой лестнице, ведущей наверх. Знала, что на чердаке находятся комнаты для прислуги и чулан со старыми, ненужными вещами.

На первый этаж вела деревянная лестница с полированными поручнями. Ника вытянула шею, присматриваясь к необычайно крутым ступеням*.

«С такой скатишься — костей не соберёшь», — поёжилась она, зная, что мать Руз всякий раз поднимается на второй этаж неохотно и тогда, когда это крайне необходимо.

Ника не гадала, как найдёт комнату Якоба. Ноги сами привели её к нужной двери.

В комнате всё было таким, каким она видела глазами Руз: и кровать-шкаф, и стол, и шкаф-кабинет. На полу лежала полосатая циновка.

Ника открыла шкаф-кабинет и безошибочно выдвинула нужный ящичек, в котором лежали свечи. Достала две и вставила их в трёхрожковый канделябр с единственной, наполовину сгоревшей свечой. Масляную лампу за ненадобностью задула.

Комната служила Якобу и кабинетом, и спальней. В ней ощущался мужской дух. С высокой спинки стула свисал небрежно брошенный кафтан; у таза с водой лежало мокрое полотенце.

На одной из стен Ника заметила плакат с изображённым родовым деревом семьи — ветвистым и мощным. Она не ста-

ла задерживаться у него надолго, лишь глянула на последние, сильно разросшиеся «ветви».

В конце пятнадцатого века часть родственников мигрировала в Бельгию и Германию, часть осталась в Нидерландах. На этом переезды не закончились. С начала шестнадцатого века по семнадцатый век многие члены семьи обосновались в Северной Америке и Южной Африке.

Куда и кто переехал, Ника вникать не стала. Генеалогическое древо она рассмотрит в другое, причём дневное время.

Как и сказал Якоб, на столе лежали две, на первый взгляд похожие бумаги, оказавшиеся договором займа трёхлетней давности.

Ника пробежалась глазами по одному из документов. В нём описывались условия передачи денег в долг с указанием дат их получения и возврата с прописанными причитающимися к уплате процентами. Расписка в получении денег прилагалась.

Изучив второй документ, Ника обнаружила, что оба договора оформлены на одного и того же человека, но.... один договор был с двумя подписями — заимодавца и должника, второй — только с подписью заимодавца. В договоре без подписи должника сумма процентов прописана больше.

Ника сразу поняла, в чём дело. Руз должна подделать подпись должника в подложном документе.

Появилось сомнение: обычно при подписании такого рода документов у каждого участника договора остаётся экзем-

пляр. Следовательно, заимодавец должен быть уверен, что у должника своего экземпляра нет.

Где он?

За три года договор мог потеряться, сгореть при пожаре или размокнуть при наводнении. С ним могли поиграть дети, съесть мыши или... его выкрал заимодавец.

В том, что Руз занималась подделкой подписей, сомнения у Ники не вызвало. И проделывала она подобное уж точно не раз и не два.

«Вляпалась», — забеспокоилась Ника. Какая мера пресечения за подделку документов существует в этом времени? Штраф? Публичная порка? Год тюремного заключения? Больше? Разумеется, если твоя вина доказана.

Только вчера Ника шутила над соседкой тётей Таней, чтобы та ждала в гости следственно-оперативную группу для обыска её квартиры и вот, нате вам, накаркала на свою голову!

Девушка осмотрела стол. На нём ничего лишнего — канделябр с горящими свечами, три документа, песочные часы, чернильница, пяток гусиных перьев в стакане, десяток чистых листов бумаги.

Заглянула под стол, где обнаружился небольшой деревянный ящичек. Ника узнала в нём грелку для ног*, часто изображавшуюся на картинах малых голландцев.

Выдвижных ящиков в столе не оказалось. Зато не меньше четырёх десятков есть в шкафу-кабинете.

Взяв канделябр, Ника перешла к шкафу.

Она затратила больше часа, чтобы тщательно осмотреть каждую полочку, заглянуть в каждый ящичек и перебрать каждую бумажку.

Что искала? Всё, что могло вызвать подозрение при обыске, стать неопровержимой уликой, прямым доказательством виновности Руз или Якоба.

Поиски Ники увенчались успехом — кто ищет, тот всегда найдёт!

Хватило бы и малой толики из того, что она нашла, чтобы доказать виновность сестры и брата. Если Якоб возьмёт ответственность за содеянное на себя, то Руз и мать всё равно пойдут по миру с протянутой рукой.

«Ладно бы эта неженка Руз!» — негодовала Ника, сворачивая в трубку более трёх десятков найденных листов с тренировочными подписями. Полностью положившись на взрослого брата, она не думала о собственной безопасности. А тот оказался балбесом, не удосужившимся уничтожить улики!

Ника расстроилась не на шутку. Хочешь что-то сохранить для образца — спрячь как следует. А лучше сожги. Бережёного Бог бережёт.

Она перебирала документы, внимательно вчитываясь в текст каждого, чтобы в запале ни один из нужных не попал в «урну».

«А мать?» — продолжала она возмущаться. Знает ли

мать, что её сын заставляет Руз подделывать документы? Наверняка знает. Знает, что накануне падения дочери между ней и братом произошла ссора. Дважды женщина сказала, чтобы Руз слушалась Якоба.

Нет худа без добра.

Благодаря тщательному осмотру всех документов в шкафу-кабинете, Ника узнала, что мать Руз зовут Маргрит ван Вербум, в девичестве Ван дер Зи, ей сорок восемь лет. Сорок восемь! Она на два года старше матери Ники, а выглядит бабушкой. Её старят не седые волосы с лёгким оттенком желтизны. Старит потухший взгляд и унылое выражение лица.

Отец Руз — Лукас ван Вербум умер от болезни сердца шесть лет назад в возрасте пятидесяти двух лет.

Полное имя брата Руз — Якубус ван Вербум.

— Балбесу двадцать девять лет, — задумчиво произнесла Ника. Руз младше его на десять лет.

Семья Ван Вербум признана благородной, дворянский титул имеется.

Ника вздохнула и приступила к подделке подписи.

Она затратила уйму времени, чтобы скопировать нужную подпись и отработать написание линий и завитков в длинной заковыристой подписи должника. Для этого она приняла за столом удобную позу, научилась правильно держать гусиное перо, подобрала нужный наклон и силу нажима, чтобы оно не царапало бумагу и — не дай бог! — не капнуло ядовитой чернильной кляксой на лист.

Руки Руз дрожали в самом деле, глаза слезились и справиться Нике с этим удалось с трудом.

«Надеюсь, мерзавец-заимодавец не в курсе того, кто именно ставит фальшивые подписи на его бумагах», — подумала она, с силой растирая нежную кожу на лице. Желание убить Якубуса, а заодно и заимодавца, было сильным.

Она долго не могла успокоиться и каждый раз вздрагивала и тяжело вздыхала, когда сквозь толстые стёкла окна, завешенного плотными шторами, до неё ежечасно доносился звук боя часов на главных воротах города.

Закончила работу, когда часы пробили четыре раза. Глаза болели, будто в них насыпали песка; занемела шея; разболелась голова.

Ника оставила подписанный документ на столе, забрала «улики» и шкатулку Руз и вернулась в свою комнату.

Совість её не мучила и преступницей она себя не ощущала. Абстрагировавшись от настоящего, она стала наблюдателем и советчиком для самой себя, оценила возникшую проблему с разных сторон, убрала «улики».

От сердца отлегло.

Поверила ли она обещанию Якубуса, что этот раз станет последним? Руз поверила, Ника — нет. От получения лёгких денег мужчина не откажется никогда.

Раздевшись и осторожно забравшись в постель, Ника нащупала грелку в ногах. Хенни принесла её после ухода молодой госпожи. Неужели и она знает, где с позднего вечера

находилась и что делала Руз?

Проваливаясь в глубокий сон, Ника с облегчением подумала, что утром она сожжёт «улики», а для шкатулки подыщет подходящее местечко. Хенни очень расстроится, обнаружив тайник пустым.

** Паспорт. В прошлом не было необходимости иметь удостоверение личности. У всех родов были свои генеалогические древа. Скрывать своё настоящее имя честному человеку не было необходимости. Если ты назвался вымышленным, а то и вовсе чужим именем, то это означало одно — ты намерен спрятаться от кого-то или совершил преступление и вынужден скрываться от правосудия.*

** Рембрандт Харменс ван Рейн (15 июля 1606 — 4 октября 1669) — нидерландский художник, гравёр, крупнейший представитель золотого века голландской живописи.*

** Накидка, жакет — верхняя домашняя одежда. В зажиточных семьях её шили из бархата или атласа светлых нежных цветов, зимой отделявали мехом. Женщины средних и бедных слоёв шили накидки из шерсти*

Ян Вермеер. Картина «Хозяйка и служанка», 1666-1667 годы

** Грелка для ног — прямоугольный ящичек из металла или твёрдого дерева пятнадцати-двадцати сантиметров в высоту со множеством дырочек. Внутри металлического*

ящичка помещался кусок торфа, который медленно тлел, выделяя тепло. В деревянный помещали ёмкость с углями.

Также были грелки для рук в виде шара, внутрь которого помещали тлеющий уголь

Ян Хавикзоон Стейн (1626 — 1679) — голландский живописец

Картина «Дева, томящаяся от любви», 1660 год

Глава 6*

Ника выпалась, но выбраться из постели не спешила. Вытянувшись под одеялом, утопала в перине и огромных подушках. Мягко и душно.

В щель в неплотно задёрнутом пологе просачивался дневной свет.

Ника слушала тишину в комнате — иную, не ту, к которой привыкла и не замечала в прежней жизни. Не слышались ни ссоры соседей через стену, ни плач разбуженного ребёнка. Не рокотала стиральная машина в квартире сверху, не шумели двигатели проезжавших под окном автомобилей.

Тишина была непривычная — гулкая, чужая.

Ника окончательно осознала, что её путешествие в мир иной — это не результат временного умопомрачения, и она не жертва предсмертных галлюцинаций. Она умерла, её убили.

Из горла вырвался всхлип; на глазах выступили слёзы. Пусть Ника была некрасивой и не любила себя. Она жила в привычном для неё мире, жила рядом с мамой, которая хоть и по-своему, но всё же её любила. Она хотела верить, что именно любила. Пусть чуть-чуть, малюсенькую крошечку, но любила.

Теперь она будет жить в теле, в какое судьба забросила её душу, дав ей второй шанс. Она привыкнет, справится, смо-

жет стать другой.

Вспомнив, чем занималась ночью, Ника с беспокойством просунула руку под подушку. Нащупав шкатулку и смятые бумаги, успокоилась. Сейчас она встанет, приведёт себя в порядок и спустится в кухню, где избавится от «улик».

Она понежилась бы в постели ещё немного, если бы со стороны коридора не послышался громкий топот, усилившийся у её двери.

Хенни вошла без позволения, наспех ударив в дверь, по всей вероятности, ногой.

Ника вздрогнула, шикая от прострела боли в висках. Отдёрнула полог и уставилась на ноги прислуги. Из-под низа платья выглядывали деревянные башмаки — кломпы*.

Увидеть визитную карточку Нидерландов вот так, на ком-то, не как сувенир, а как повседневно носимую рабочую обувь, Ника не ожидала.

— Нельзя было переобуться? — с недовольством сказала она, осторожно спускаясь с кровати. — В голове от грохота твоих сабо бухает.

— Не удосужилась я, госпожа. Хозяйка велели и то сделать, и это. Когда я всё успею? — Хенни поставила на прикроватный столик поднос со свёрнутым лоскутом ткани и мисочку со свекольно-медовой массой, поправила объехавшие нарукавники с прилипшими к ним пушинками. — Ещё приодеть вас надо, волосы уложить.

Ника поморщилась, представив, как служанка будет дёр-

гать пряди и причинять боль в месте ушиба. Возразила:

— Волосы я уложу сама.

— Как же сама, госпожа? Не справитесь. Поспешите. Хозяйка ожидают к обеду гостей, а мне ещё в зале прибираться, ковёр постелить, камин растопить, утку приготовить. Снимайте сорочку, поменяю повязку. Болеть хоть меньше стало?

— Не сказала бы, — заметила Ника, неохотно подчиняясь.

Особого облегчения от компресса свёклы с мёдом она не почувствовала. Синяк между грудями стал ярче и болел не меньше, чем накануне. Шишка на затылке казалась горячей и при малейшем движении головой чувствовалась боль.

— Якоб дома? — спросила Ника. Не терпелось узнать, доволен ли он проделанной работой сестры. Несмотря ни на что хотелось услышать похвалу.

— Хозяин ушли, но к обеду вернутся с гостями. Вам сюда принести поесть или спуститесь в кухню? Вы же завтрак проспали. Хозяйка велели дать вам молока, хлеба с маслом и овечьего сыра.

— Спускаюсь в кухню, — охотно отозвалась Ника, рассматривая отражение Руз в зеркале. Видеть чужое лицо было всё ещё непривычно.

Платье Хенни принесла другое. Тёмно-лиловое, с белоснежным накрахмаленным кружевным воротничком и такими же манжетами, оно выглядело новым и слишком уж нарядным для обычного обеда пусть и со зваными гостями.

Ника сжала зубы, когда Хенни, мотнув её хрупкое тело из стороны в сторону, в два рывка затянула на ней жёсткий корсет.

— Эй, полегче! — выкрикнула она, хватаясь за руки прислуги. — Ослабь удавку, душегубка! Дышать больно.

Хенни послушно отпустила тесьму:

— Простите, госпожа. Голова дырявая. Забыла, что вы чуть не убились.

— Всё по твоей милости, — не преминула напомнить Ника.

Хенни горестно вздохнула:

— Я очень испугалась за вас, госпожа. Уж как Господа благодарила, что всё обошлось.

«Не обошлось, Хенни! Ты убийца!» — захотелось крикнуть Нике. Может быть, когда-нибудь она ей скажет об этом вслух, а пока...

Волосы уложили просто: сверху приподняли, открыли лоб и закрепили пышный локон черепаховой заколкой на затылке. Вьющиеся концы оставили свободно лежащими на плечах.

— Кто на обед придёт, известно? — спросила Ника, не рассчитывая на ответ.

— Слышала, что хозяин говорили о господине Ван Деккере и его госте, два дня как прибывшим из самого Амстердама. Хотела бы я хоть разок побывать в таком огромном городе*. Говорят, там есть улица Красных фонарей, ну, вы по-

нимаєте, о чём я, — Хенни мечтательно закатила глаза.

— О чём? Не понимаю, — вполне искренне удивилась Ника, подначивая прислугу. Ну кто в двадцать первом веке не знает о квартале Красных фонарей* в Амстердаме?

Она с интересом смотрела на служанку. Кто-то хочет посмотреть королевский дворец* или монастырь Бегинок*, а кто-то вот...

— Ну как же... — замерла Хенни обескуражено. — Там же девицы... это... мужчин привечают... всяким-разным... ночью.

— Всяким-разным? — Ника насмешливо выгнула бровь. — Это чем? Ты собираешься прогуляться по улице в ночное время?

Хенни пугливо оглянулась на дверь и понизила голос:

— Вы ничего плохого не подумайте, госпожа. Хочу узнать, правду ли говорят, что блудницы выставляют в окно красный фонарь, зазывая мужчин к себе. Срам-то какой, — торопливо отвернулась, пряча лицо.

Ника поправила манжеты. Тончайшее кружево выглядело богато. Не выглядело — таким и было.

— Каждый зарабатывает, как может, — сказала она, расправляя складки на юбке. Не думала, что когда-нибудь ей будут нравиться подобные вещи. — Как думаешь, легко принимать десяток мужчин за сутки? Это же какое здоровье нужно иметь?

— Господь с вами, госпожа, — Хенни украдкой перекре-

стилась и, забрав горшок и несвежее бельё, поспешно ретировалась.

Ника ещё раз осмотрела себя в зеркало и сняла с полки ящичек с пузырьками. Выбрав ближайший фигурный флакончик, растёрла между пальцами маслянистую розовую жидкость. Понюхала. Духи! Нежный аромат южной розы. Из флакона с белёсым содержимым повеяло ароматом с нотками жасмина. Его Ника и предпочла. А вот средств по уходу за кожей не нашлось. Зато обнаружились маленькие ножнички, апельсиновая палочка и замшевая подушечка для полирования ногтей.

Спрятать шкатулку Руз оказалось делом непростым. Выход виделся один — отнести её на чердак в один из чуланов и поместить среди ненужных вещей.

По крутой винтовой лестнице Ника поднялась на чердак. Заглянув в комнату прислуги, ничего нового для себя не обнаружила: стол, стул, сундук, кровать-шкаф. Вместо пола — доски. Так теплее и не беспокоят мыши. На полу потёртая циновка. Маленькое, чисто вымытое окошко выходит во двор. За забором хорошо просматривается участок соседей.

Ника открыла следующую дверь. Из полутёмного чулана в лицо пахнуло затхлым духом старых вещей, слежавшейся пылью и мышиным помётом. Со стропил свисали лохмотья паутины с запутавшимися в них сухими останками насекомых.

Девушка подняла подол платья и сделала несколько ша-

гов. Осмотрелась. Углубляться смысла не видела. Здесь много лет никто не ходил.

У стены под низким потолком она заметила подходящую нишу. Разогнав пауков, затолкнула шкатулку в щель между балкой перекрытия и стропилом. Сохранность шкатулки хотя бы на первое время обеспечена. Позже Ника её перепроверит.

Она спустилась на первый этаж и в замешательстве остановилась на пороге гостиной. Не решалась войти. Показалось, что попала в музей. Если бы не отсутствие стоек ограждения и музейных этикеток, она бы так и решила.

Её комната и кабинет-спальня Якоба обставлены простой, добротной мебелью, не претендующей на художественную значимость, но наверняка представляющей чисто исторический и информационный интерес для потомков. А вот обстановка просторной гостиной выглядела вычурно помпезной, роскошной, изготовленной в стиле барокко. В ней каждая вещь или деталь отделки являла собой произведение искусства и, без сомнения, стоила целое состояние.

Мраморная плитка на полу не чередовалась простоватой грязно-серой шахматной клеткой. Она покрывала его безукоризненным чёрно-белым узором линейной раскладки.

Из стены выступал огромный камин с козырьком, облицованный изразцами. По обе стороны от него — парные настенные подсвечники. На каминной полке выстроились в ряд вазы, расписные тарелки, редкие морские раковины.

От очага шёл жар — в специальных горшочках тлели комья торфа. В кованой дровнице высилась аккуратная стопка берёзовых поленьев.

В опасной близости от камина стоял обеденный стол, накрытый ковровой скатертью. С длинной шёлковой бахромой и сложным рисунком жёлто-зелёно-розовых тонов, она была единственным ярким пятном среди тёмно-коричневой полированной мебели.

Обитые тиснёной кожей стулья стояли вдоль стены.

В углу громоздилась кровать-шкаф, в котором спит мать Руз. Ника в этом не сомневалась. Здесь же её туалетный столик в виде маленького шкафчика с зеркалом и подсвечниками по краям. На столешнице щётки для одежды и волос, шкатулка для шитья, пудреница, духи, ларец чёрного дерева, инкрустированный перламутром.

Оглянувшись по сторонам, Ника убедилась, что за ней никто не наблюдает, и заглянула в ларчик. Ни бриллиантов, ни бесценных ювелирных комплектов с драгоценными камнями не увидела. Всего-навсего скромные жемчужные серьги, браслет, неброская брошь с янтарём, кольцо и серьги с рубинами, пара витых браслетов. Возможно, основные ценности лежат в другом месте, но что-то подсказывало Нике, что их нет — проданы или заложены. На пальцах Руз нет ни одного самого тоненького колечка, в проколотых ушах нет серёжек. На госпоже Маргрит украшений тоже нет.

Ника подошла к платяному шкафу с сильно выпирающим

изогнутым карнизом. Погладила створки с рельефной резбой со сложными растительными мотивами.

Буфет, комод, сундук, широкая скамья не уступали в богатстве отделки шкафу и изготовлены в едином с ним стиле.

В буфете — сервиз из голубого китайского фарфора. Антикварный для Ники. Фарфор настолько тонкий и деликатный, что его страшно взять в руки.

На стенах картины в позолоченных рамах. Над камином большое полотно кисти Якоба ван Рёйсдала «Замок в Бентхайме». Не копия, оригинал! Невероятно, но факт! Сейчас она не имеет исторической ценности. Но в будущем украсит зал музея или станет бриллиантом для владельца частной коллекции.

По телу Ники пробежал озноб. В этом времени возможно всё! Картину модного нынче художника, которой спустя триста пятьдесят лет станет гордостью нации, может купить любой, кому она окажется по карману.

Ника прошла вдоль других полотен, имён художников которых не знала. Сколько их безвестных, но не менее талантливых, не сумевших пробиться в жизни? Сколько картин пропало или приписано тем мастерам, у которых учились безымянные художники, переняв стиль их письма? Их имена мы не узнаем никогда.

Прямые солнечные лучи не касались картин и поверхности мебели — нижнюю часть высоких узких окон закрывали ставни. В погружённой в тень гостиной сквозь частый окон-

ный переплёт падал дневной свет. В нём тускло блеснул шар на конце начищенной медной двухуровневой люстры. Она, с множеством рожков со стаканчиками для свечей, тяжёлая и изящная, свисала с высокого потолка на металлическом тросте.

Ника не могла позволить себе обойти каждый предмет и потрогать его. Восхищалась молча, на расстоянии.

Присмотрелась к атласным обоям шоколадного цвета с мелким растительным узором. Они сливались с цветом мебели, интерьер выглядел перегруженным, тяжёлым для восприятия. Его бы выстроить вокруг камина, привлечь к нему дополнительный интерес, ослабить внимание к кровати и платяному шкафу. Картину над камином заменить зеркалом. На одной из стен сделать панно из зелёных растений. Было бы необычно для этого времени и вызывающе красиво.

Пожалуй, Ника вовсе убрала бы пару вещей, переставила мебель, выполнила бы зонирование, добавила ярких красок. Их не хватает.

Всё в гостиной свидетельствовало о состоятельности хозяев: дорого и напоказ.

В гостиной устраивались приёмы и чаепития, поддерживался идеальный порядок — уловка для видимости благополучия и сохранения высокого социального статуса членов семьи Ван Вербум.

Гостиная — единственное место в доме, которого не коснулись глобальные перемены в семье после смерти хозяина.

Она подчёркивала прежний достаток древнего обедневшего рода.

За её стенами пряталась нужда. Якобу не хватало средств на ведение хозяйства, уплату налогов и содержание матери и сестры.

Ника обошла свёрнутый в трубку ковёр, о котором говорила Хенни. Даже его берегли и раскатывали в исключительных случаях.

Под многослойной юбкой шуршали спрятанные бумаги. Чтобы не привлекать к ним внимание, Ника плотно свернула листы и закрепила их на бедре подвязкой. Надев на лицо маску равнодушия и усталости, она направилась на кухню, из которой слышались женские голоса. Званный обед с незнакомыми людьми представлялся тягостной обязанностью. Быть может, под каким-нибудь предлогом получится уклониться от него?

** Представительницы древней профессии в Голландии — индивидуальные предприниматели, которые работают в рамках закона: официально арендуют рабочее место, платят налоги и даже имеют свой профсоюз. Аренда кабинки в квартале De Wallen обходится в 150 евро в день.*

Сегодня квартал включает порядка 290 кабинок. Каждый день на работу выходят в среднем 900 эриц любви. Предположительно стартовая стоимость услуги — 50 евро за 15 минут. В процессе смета пополняется дополни-

тельными расходами. Фотографировать гетер в кабинках запрещено.

* В «огромном» Амстердаме в то время численность населения была примерно 150 тысяч человек, сейчас — 873 тысячи.

* Монастырь Бегинок — бывший закрытый монастырь, построенный в начале четырнадцатого века.

Бегинки — это католический орден незамужних или овдовевших женщин, которые заботились о пожилых людях, не принимали монашеских обетов и жили религиозной жизнью

* Королевский дворец построен в 1655 году для мэрии города. Дворцом здание стало в девятнадцатом веке. По задумке архитектора Якоба ван Кампена роскошное оформление и убранство дворца должно было продемонстрировать богатство и мощь Амстердама, а само здание должно было соперничать с величайшими европейскими зданиями того времени

* Ауде керк (Старая церковь) построена в 1306 году. Старейшее сохранившееся здание Амстердама являет собой интересное этическое противоречие. Начиная с восемнадцатого века, это священное место стало «обрастать» яркими «вывесками» квартала Красных фонарей

* Клomпы — традиционная деревянная обувь голландцев.

По стилю и рисункам росписи на них узнавался регион, город и даже конкретный мастер. Самые старые из клонпов, найденных при раскопках в Амстердаме, датируются 1230 годом. В настоящее время местное население охотно носит их в сельской местности и при выездах на природу

Питер Артсен (1508 — 1575) — нидерландский художник

Картина «Яичный танец», 1552 год

Суть танца: перед танцором ставили миску с яйцом, которое он должен выкатить на пол во время танца. При этом яйцо не должно разбиться или укатиться за очерченный круг. Продолжая танцевать, танцор должен изловчиться и при помощи ноги накрыть яйцо миской.

Якоб Исаакс ван Рёйсдал (1629 — 1682) — пейзажист золотого века нидерландской живописи

Картина «Замок в Бентхайме», 1651 год

Эглон Хендрик ван дер Нер (1634 — 1703) — нидерландский живописец-пейзажист

Картина «Мужчина и женщина в интерьере», 1666 год

Интерьер гостиной в доме-музее фламандского живописца и рисовальщика Питера Пауля Рубенса (1577 — 1640) в г. Антверпене, Фламандском регионе Бельгии

Глава 7*

Несмотря на то, что кухня размещалась в полуподвальном помещении, выглядела она светлой, немаленькой и неожиданно чистой: высокий белёный потолок, множество окон, пол в серо-чёрную клетку, стены отделаны керамической плиткой малого формата с изображением овощей и фруктов, выполненных в сине-белой гамме.

Ника принялась и сглотнула набежавшую слюну. Зажмурилась, жадно вдыхая умопомрачительный мясной аромат со специями. В животе заурчало.

Она прошла мимо камина, у которого сидела Хенни и при помощи меха* раздувала затухающий огонь под котлом.

Над дровами на цепях висели котелок и чайник, в сторонке на подставке примостилась охваченная жаром утятница. На металлическом коробе с тлеющим торфом — большой глиняный горшок для тушения мяса.

Ника не помнила, когда стали делать первые чугунные дровяные плиты с духовками. Видно, их время ещё не пришло.

Госпожа Маргрит хозяйничала у разделочного стола, занимавшего добрую четверть кухни и заставленного приготовленными блюдами. В простом сером платье, в переднике, в нарукавниках и в объёмном чепце она отличалась от Хенни разве что горделивой осанкой и утончёнными манерами.

Да и выглядела сегодня гораздо моложе: глаза возбуждённо блестели, на щеках разлился густой румянец, движения быстрые, голос громкий, повелительный:

— Пошевеливайся, Хенни. Как бы не припоздниться с приготовлениями. Перед гостями будет неловко.

Ника поравнялась с новообретённой мамой и, сказав:

— Добрый день, — прошла к боковому столу, на котором увидела кувшин, стакан, тарелку с ломтиком хлеба с маслом и сыром, явно предназначенные ей.

Госпожа Маргрит улыбнулась и придирчиво осмотрела дочь:

— Хорошо выглядишь, милая. Возьмёшь жемчуг из ларца, наденешь.

Ника кивнула. Что-то с мамой было не то: либо любила готовить, во что верилось слабо, либо любила принимать гостей, либо любила кого-то из гостей.

«Третье», — решила Ника, устраиваясь у стола, поправляя складки на платье. Подвязка объехала, и свёрнутые в трубку бумаги сползли к колену. Если они выпадут, то рассыплются и незамеченным это не останется. Следовало задержаться в гостиной и попробовать сжечь их в горшках с тлеющим торфом.

Ника неторопливо налила молоко в стакан и приступила к еде. Исподтишка осматривала кухню.

В глаза бросился подвешенный высоко над полом вытянутый медный таз с подголовником, напомнивший гигантский

соусник.

«Вот вам и сидячая ванна», — иронично подумала девушка, представив в нём Руз, купающуюся у пылающего в очаге огня. Всё же лучше, чем просто обтираться влажным полотенцем и раз в месяц мыть голову в тазу в этой самой кухне.

И вода имеется. Ника заметила вмонтированный в стену бак с краном и рычагом — насосом для подачи воды.

Маленькая дверца вела в чулан, где хранились продукты. В приоткрытую дверь просматривались бочки и почти пустые полки. Ещё одна дверь вела на улицу. У порожка стояла корзина и в ней перевёрнутый бидон с привязанной к нему крышкой.

На широкой крепкой навесной полке выстроилась медная и оловянная кухонная утварь. Рядом пристроился посудный шкаф с глиняной и фарфоровой посудой.

Хенни преувеличила, когда сказала, что ничего не успевает сделать. К тому же ей помогала хозяйка дома.

На столе выделялся длинный хлеб с аппетитной треснувшей корочкой, маленькие румяные булочки и кренделя.

На овальном блюде сельдь — красиво уложенная и посыпанная тонкими кольцами лука.

Сыры — светло-жёлтый с мелкими дырочками и кремовый с крупными — нарезаны на доске тонкими ломтиками, как и копчёное мясо с колбасами.

Глаза Ники перепрыгивали со слоёного пирога со шукой на закрытый фруктовый пирог, с печенья, покрытого оре-

ховой и маковой обсыпками на засахаренные орехи и сухофрукты, с серебряного кувшина для пива на хрустальный графин для вина.

Готовить Ника не любила и, можно сказать, не умела. Могла приготовить простые в исполнении и не трудозатратные блюда — овощной суп, лёгкие салаты, омлет с зеленью, парочку бутербродов с разными начинками, рыбу в духовке. С детства любила торт «Медовик» и умела его готовить. Однако с тех пор, как села на диету, его не делала.

Впервые за последние годы Ника не могла отвести глаз от съестного изобилия на столе. Руки сами тянулись к тарелкам с изысками; от ароматов и запахов кружилась голова; сосало под ложечкой; есть хотелось зверски.

Ника испугалась. В ней однозначно что-то «сломалось». Тренированной годами выдержки как и не было. С сумасшедшей скоростью она мысленно считала калории того или иного блюда.

Усилием воли унимала разгулявшийся аппетит. Маленькими глотками запивала бутерброд с маслом и сыром, сдерживая себя, чтобы не затолкать его в рот и не проглотить одним махом.

С последним глотком молока пришло осознание, что беспокоиться о подсчёте калорий в съеденных продуктах больше не нужно. Руз может позволить себе есть, что хочет, и до обеда она подождёт. Мысль, чтобы под любым предлогом уклониться от застолья с гостями позорно капитулировала.

Ника с облегчением выдохнула. Пожалуй, ей лучше убраться из кухни от греха подальше и сжечь «улики» в гостиной, пока там никого нет.

Она встала, прижимая к бедру юбку, удерживая норовившие выпасть бумаги.

Госпожа Маргрит остановила проходившую мимо неё дочь и осмотрела её причёску:

— Нужно было сделать начёс, уложить волосы выше и завить локоны.

Ника машинально тронула ладонью затылок. Нашупав шишку, поморщилась и состроила жалостливую гримасу:

— Причёсываться больно, голова болит, — глянула на ссутулившуюся Хенни. Испуганно моргая, та подавала ей умоляющие жесты молчать.

«Шкатулочка-то тю-тю, больше нечем шантажировать Руз?» — победно посмотрела на неё Ника и продолжила:

— Так тоже хорошо, — перебросила часть волос со спины на плечо, закрутила их тугим жгутом и отпустила. Они тут же разошлись пышной кокетливой спиралью — не волосы, а чудо!

Мама одобрительно кивнула и остановила взор на домашней обуви дочери.

— Хенни не принесла тебе туфли? Хенни?.. — повернулась она к служанке и та ворчливо ответила:

— Приготовила их, хозяйка, как вы и велели — с большими синими бантами. В шкапе стоят. Подам госпоже Руз

перед приходом гостей.

— Сама возьму... в шкапе, — хмыкнула Ника, мелкими шажками пробираясь к выходу. Узнать бы только, где тот шкаф.

— Да подам я, подам, — не смолчала раскрасневшаяся Хенни, поправляя съехавший на лоб чепец. — Я ж семи-жильная. Вы, хозяйка, мне ещё два месяца назад обещали нанять в услужение расторопного мальчишку. Всё обещаете, обещаете и не делаете. Я говорила вам о младшем сыне бочкаря, помните? Ладный такой мальчишка, шустрый. Сейчас бы за огнём приглядел, торфа бы поднёс, воды набрал, ковёр раскатал.

Госпожа Маргрит, не оборачиваясь и продолжая перебирать рисовую крупу, спокойно ответила:

— Ты, верно, позабыла, Хенни, что я тогда тебе ответила и что ты сказала.

— Что... сказала? — через плечо бросила служанка.

— Забыла, — вздохнула госпожа. — Я сказала, что нанять мальчишку можно хоть сейчас, но, поскольку он станет делать часть твоей работы, о которой мы договаривались и за которую Якоб платит тебе жалованье, ты будешь получать меньше ровно настолько, насколько станешь меньше работать. Разве не так было сказано?

Хенни чихнула, вытерла нос полой передника и вздохнула:

— Так-то оно так, — замолчала, покачала головой и, за-

глянув в утятницу, добавила: — Как-то работы больше становится. Вроде всё как всегда, а чтобы всюду поспеть, я спать меньше стала. Не могу понять почему. Прибавили бы к жалованью пять стюверов* что ли. Вот упокоившийся хозяин, мир праху его, — Хенни поспешно перекрестилась, — мне к каждому празднику гульден давали.

Ника перекрестилась следом за служанкой, да так ловко, будто всю жизнь именно это и делала. Присматривалась к Хенни. Высокая, крепкая, с большими сильными руками она была девица деревенская, слабой и измождённой не выглядела — кровь с молоком.

Перекрестилась и госпожа Маргрит:

— Ты знаешь, в каком положении мы находимся после смерти господина Лукаса, упокой, Господь, его душу. Не один раз говорила тебе искать другое место. Письмо рекомендательное дам хорошее.

— Привыкла я к вам, хозяйка. Люблю вас всей душой. По осени будет десять годков, как служу вам.

Ника отметила, что за десять лет служанка не только успела узнать всю подноготную семьи Ван Вербумов, а и стала им почти родной. Она была у двери, когда услышала за спиной голос госпожи Маргрит:

— Руз, давай-ка, помоги нам. Постели на скатерть дорожку белую кружевную, мою любимую, поставь китайский сервиз, расставь бокалы.

— Накрыть на пять человек? — обернулась Ника. — Кто

придёт с господином Ван Деккером?

— Якоб не сказал, но предупредил, что гость будет именитый, из Амстердама. Кого ещё может привести к нам на обед господин губернатор, если не себе подобного? — улыбнулась мама.

✠

Сидя перед очагом на корточках, Ника жгла бумаги — сминала их и одну за другой бросала в ярко горевший в горшке торф. Торопилась, словно в дверь стучали законники, позвякивая наручниками и гремя кандалами.

— А что это вы делаете? — раздалось над её головой.

От неожиданности Ника вздрогнула и чуть не села на попу. Хенни подкралась неслышно и с любопытством смотрела на скатанные в шары бумаги, лежавшие сбоку от молодой госпожи.

— Много будешь знать, совсем перестанешь спать, — пробурчала Ника.

Хенни поджала губы и, громко стуча подошвами деревянных башмаков, направилась к буфету. Из нижнего ящика достала кружевную дорожку и постелила по верху ковровой скатерти.

— Завтра я пойду с тобой на рынок, — сказала Ника. Очень хотелось посмотреть на горожан и город эпохи Возрождения. От предвкушения и волнения подрагивали пальцы рук.

— Пойдёте вместо хозяйки? — Хенни разглаживала

складки на дорожке. — Вы встанете так рано?

— Если разбудишь меня, то встану.

— А что вам надо на рынке? Скажите, я куплю.

— Хочу себя показать и на других посмотреть, — не оборачиваясь, отозвалась Ника, глядя на последнюю «улику», пожираемую огнём.

Встала, отряхнула подол платья и направилась к буфету, чувствуя между лопатками удивлённый взгляд служанки.

Не решалась прикоснуться к тончайшему, пропускающему свет китайскому фарфору с изысканной кобальтовой росписью. Любой музей в двадцать первом веке устроил бы за ним погоню, а частный коллекционер не пожалел бы выложить кругленькую сумму.

— Дайте-ка я, — бесцеремонно отодвинула её в сторону Хенни. — Этак мы с вами до прихода гостей не управимся.

Она быстро и со знанием дела расставила тарелки и бокалы, разложила серебряные приборы. Повернулась к молодой госпоже и огладила передник на животе:

— А что вы жгли в камине?

— Вчерашний день, — ответила Ника. — Хенни, где мои туфли с большими синими бантами? В каком, говоришь... шкапе?

Служанка добродушно улыбнулась и погрозила Нике пальцем:

— Ну и хитрющая вы, госпожа. Идёмте, покажу.

* Хенни в качестве служанки зарабатывает 36 гульденов в год — 3 гульдена в месяц. 1 гульден равен 28 стюверам (с 1679 года — 20 стюверам).

* Первые мехи появились в средневековье для раздувания огня в кузницах и были больших размеров. В действие приводились ногой. Независимо от размеров и назначения принцип их действия остался без изменений. Воздух набирается в кожаный мешок, при сильном сжатии выходит через трубку и раздувает огонь.

Корнелис де Ман (1621 — 1706) — голландский художник
Картина «Шахматисты», 1670 год (внизу слева изображён мех)

Жан-Батист Лаллеман (1716 — 1803) — французский художник

Картина «Буржуазная кухня»

Давид Эмиль Жозеф де Нотер (1818 — 1892) — бельгийский художник

Картина «На кухне», 1845 год (смотрим насос для подачи воды)

Глава 8*

Ника с интересом наблюдала за прибывшими гостями.

Губернатор в доме Ван Вербумов был частым гостем. Хозяйским жестом он отдал шляпу и трость Хенни, затем представил госпоже Маргрит и её дочери своего сопровождающего — господина Геррита ван Ромпея, управляющего частным банком в Амстердаме, который держал упакованную в плетёную корзинку-фиаску бутылъ и большую, перевязанную алой лентой коробку.

«Ромпей, банкир Ван Ромпей...», — завибрировало в висках Ники острой болью. Почему-то подумала о мерзавце-заимодавце, с документами которого провозилась почти ночь.

Нет, такого имени она не помнила. Впрочем, договор займа мог пройти через десяток рук и, в конце концов, попасть из Зволле в Амстердам к управляющему банком. Что-то же привело пожилого банкира в их город. Впрочем, не станет он заниматься сомнительными делами — не по статусу, мелко, подло, гадко. Такое больше подходит Якобу.

Брат заметно волновался. Его глаза беспокойно перебежали с сестры на мать, с губернатора на банкира и в обратном порядке, точно он считал и пересчитывал потерявшихся детей.

Господин Геррит ван Ромпей — мужчина пожилой, невысокий, щуплый. С узким лицом и впалыми щеками, с под-

крученными кверху на старый манер усами и бородкой клинышком, с тонкими сжатыми губами и большим лбом. Серый, невзрачный, похожий на взъерошенного, потрёпанного временем старого воробья. В такой же серой и безликой одежде, оттенённой белыми манжетами и широким накрахмаленным воротником. На его лице горящими угольками выделялись въедливые карие глаза.

Он передал бутылку хозяйке дома и деликатно пожал ей руку. Остановил настороженный, с подозрительным прищуром взор на Нике, от чего той стало не по себе.

«Лет этак под семьдесят господину банкиру», — определила она его примерный возраст. Банковское дело связано с множеством рисков, поэтому от банкиров требуется особая осторожность. Взгляд у него намётанный, профессиональный. От всех и всегда ждёт подвоха. Осторожный, недоверчивый.

«Бдительный дедуля», — поставила она окончательный «диагноз» Герриту ван Ромпею.

Решив, что дочь хозяйки дома для него опасности не представляет, банкир протянул ей коробку:

— Сладости. Примите в знак уважения и нашего знакомства, — он скупой улыбнулся, обнажив на миг редкие жёлтые зубы.

— Спасибо, не стоило беспокоиться, — сказала Ника, передавая коробку Хенни. Опустила глаза, стараясь больше не встречаться с ним взглядом.

— Ну как же не стоило, — возразил пожилой мужчина.
— Молоденькие девицы любят сладости.

Зато губернатор был ему полной противоположностью — крупный, полный, с густой шевелюрой, с гладко выбритыми щеками, громкоголосый и улыбчивый. Суетливый и шумный. Высокий жёсткий воротничок подпирал его тройной подбородок и не давал опустить голову ниже некоторого предела, и мужчине приходилось при разговоре склоняться, как в поклоне.

Госпожа Маргрит выглядела весёлой и всем довольной. Улыбалась гостям искренне, с достоинством, голос негромкий, уверенный. Её причёску украшала воздушная чёрная кружевная накладка с бледным розовым камнем. Из того же комплекта на ней красовались золотые серьги-капли, крупное кольцо и ромбовидная брошь, которая смотрелась богато на платье цвета бордо с белым стоячим воротником.

Ника невольно сравнила госпожу Маргрит со своей матерью. Если бы Илону Витальевну обрядить в такое же платье и увешать дорогушими ювелирными украшениями, то эти мужчины, включая Якубуса, уже через полчаса знакомства с ней, наперебой бы пытались единолично завладеть её вниманием. Девушка вздохнула. Как её мать живёт без неё? Скучает ли? Ника скучала.

Она тронула на запястье скромный браслет из мелкого жемчуга с лёгким розовым перламутровым отливом. Такие же серьги выгодно оттеняли бархатистость чистой кожи Руз,

не отвлекали внимание от нежного румянца на её щеках, подчёркивали белизну зубов и сочную свежесть алых губ.

Госпожа Маргрит пригласила гостей пройти в гостиную.

Ника отстала. Переминаясь с ноги на ногу, поморщилась: «Туфли... чёрт бы их побрал!» С нелепыми огромными синими бантами! Не могла понять, как можно носить такую неудобную обувь? Какой криворукий сапожник её шьёт? То ли они были узкие, то ли коротковаты, но их хотелось сбросить с ног и вновь обуться в домашние туфли без задников.

Якубус взял её под руку, направляя за матерью. Наклонившись к её уху, еле слышно сказал:

— Благодарствую, сестра, — улыбнулся подхалимски, елеяно, спешно вложив в её ладонь крупную серебряную монету.

Ника не преминула напомнить:

— Надеюсь, ты помнишь о данном мне слове.

Якоб поспешно отвернулся, сделал вид, что не слышал слов сестры. Перехватил инициативу у матери, указывая гостям на накрытый стол, приглашая отобедать.

Госпожа Маргрит поравнялась с дочерью, сжала её руку и тихо заговорила:

— Руз, милая, постарайся не испортить вечер своим кислым видом. Якобу крайне важна эта встреча.

Она заглянула в лицо дочери. Убедившись, что та внимательно её слушает, продолжила:

— Он хочет взять в банке господина Ван Ромпея большой

кредит под возможно малые проценты. Намеревается купить пивоварню в соседнем местечке и вступить в гильдию пивоваров. Кто знает, может быть, с помощью нашего покровителя, — она глянула на губернатора, — Якоб в скором времени займёт место главы гильдии. Поспособствуй, милая. Пусть у господина Ван Ромпея останется самое благоприятное воспоминание об этом вечере. Ты не представляешь, чего мне стоило уговорить господина губернатора позвать сего гостя к нам. Уж очень господин Ван Ромпей избирателен в знакомствах.

От мамы пахло лёгким ароматом пионов. Без перебора, в меру. Нике нравилось. Она смотрела на губернатора-балагура и банкира, садившихся за стол:

— По-моему, и так всё очень хорошо. Они с вас глаз не сводят и рады провести время в вашем обществе.

— С таким-то угощением, — усмехнулась мама. — Можешь мне, милая?

— Каким образом?

— Займи гостя интересной беседой. Сядь напротив него, — она незаметно подтолкнула дочь к нужному стулу.

— Какой беседой? О чём? — зашипела Ника в замешательстве. — Что я могу ему рассказать интересного? Уж лучше вы...

— Ну как же, милая, — перебила её госпожа Маргрит. — Не разочаровывай меня. Тебя же учили в специальной французской школе не только языку, умению шить и вязать.

Покойный отец выделил на твоё обучение огромную сумму. Пора показать, что его вложения не были напрасными. Давай, дочка, оправдай ожидания отца, равно как и мои.

Ника не ответила. О том, что Руз знает французский язык, она понятия не имеет. О чём станет говорить с пожилым мужчиной, причём банкиром, не представляет. Вот об искусстве этого времени она знает достаточно и поддержать беседу сможет. При условии, что её собеседник понимает в этом толк.

Она посмотрела на Геррита ван Ромпея и столкнулась с его сухим, надменным выражением во взгляде. Сердце ухнуло. Без сомнения, банкир слышал последние фразы её разговора с госпожой Маргрит.

Мама ничего не заметила, поглощённая вниманием к губернатору.

Сидя рядом со своим спутником, тот ел, не забывая нахваливать хозяйку:

— Вы не представляете, насколько отменно готовит госпожа Маргрит, — бегал глазами по заставленному блюдами столу. — Это же утка, томлёная в сливочном масле с сыром? Люблю, — потянулся к блюду, высматривая самый крупный кусок. — Отведайте, господин Геррит, не пожалеете.

Видя, что дочь сидит безмолвным недвижимым изваянием, госпожа Маргрит взяла инициативу в свои руки. Она мило улыбнулась Ван Ромпею:

— Позвольте, я поухаживаю за вами. Желаете начать с су-

па?

На его чинный утвердительный кивок открыла супницу с особым благоговением:

— Гороховый, с копчёным беконом и специями, — пода-
ла гостю тарелку с супом.

Ника вздохнула, едва не подавившись слюной, и устави-
лась на низкую, широкую серебряную вазу со сладостями,
которые принёс именитый гость, и которые, будто издеваясь,
поставила перед ней Хенни. Выпечка ручной работы выгля-
дела непривычно: маленькие квадраты пирожных с марци-
паном и сахарной пудрой, тоненькие хрустящие полоски ва-
фель, склеенные между собой сахарным сиропом, несколько
видов печенья необычной формы. К чаю или кофе самое то.

Нике от переживания ничего не лезло в горло. От бро-
саемых на неё нечитаемых взглядов дедули, тело пробирал
озноб.

«Неловко вышло», — досадовала она. Почему госпожа
Маргрит не поговорила с ней заранее? Ника подготовилась
бы к визиту необычного гостя, определилась бы с темой раз-
говора, потренировалась перед зеркалом, подобрала бы под-
ходящий пристойный образ для подобной беседы.

Собираясь отведать сыру и колбасы, искала среди прибо-
ров вилку. Обшарила глазами весь стол и не нашла. О вил-
ках забыли? Ножи, ложки, пожалуйста. Вилки? Их не было.
Ни одной.

Обратив внимание, как все присутствующие обходятся

без нужного прибора, удивилась — нарезку ели, накалывая на острый кончик ножа.

Якубус за всеми наблюдал со снисходительной полуулыбкой. Главное — нужный человек находится в его доме, сидит за его столом, ест, пьёт. Смотришь, всё в скором времени сладится и он сможет купить пивоварню, а там... Якоб нетерпеливо заёрзал и взялся за кувшин с пивом, всё же ощущая некоторую скованность из-за присутствия незнакомого и столь важного для него человека.

Зато губернатор чувствовал себя вольготно.

— Надо отдать вам должное, госпожа Маргрит, хозяйка вы хлебосольная. Говядина мягкая, во рту тает. Соус в меру кисло-сладкий, как я люблю, — он обтёр большим клетчатым платком то ли вспотевший, то ли в пятнах жира подбородок и открыто улыбнулся хозяйке. Опустил глаза на брошь на её груди. — Еда, приготовленная вашими ручками выше всяких похвал. Вино у кого покупали?

Маму с ответом опередил Якоб:

— У господина Борста на Винной улице, — подвинул к себе приземистую пузатую бутылку, принесённую банкиром. Оценил плетение корзины-фиаски. — Вижу, вино из Кьянти. Верно, господин Ван Ромпей? Двухлетней выдержки, из отборного винограда. Доброе вино, — шумно сглотнул набежавшую слюну.

— Понимаете толк в винах, — ответил гость, налегая на говядину в соусе. — Четыре дня назад доставили в Роттер-

дам кораблём из Генуи.

Губернатор закивал:

— Да-да, недурственное вино, но... слабоватое.

Якоб покраснелся, глаза сделались уже, губы расплылись в добродушной улыбке. Он осмелел:

— Можжевельники отведают не желаете? Из винокурни Схидама. Она покрепче будет. Вот и селёdochка, копчёное мяско, колбаска, сыры под неё имеются.

Он сделал нетерпеливый жест рукой в сторону кухни и за приоткрытой дверью раздался топот; мелькнул край юбки Хенни.

Ника не удивилась незримоу присутствию служанки — подслушивала. Было бы странно, если бы за дверью её не оказалось.

После дегустации можжевельники атмосфера разрядилась. Губернатор балагурил, его смех раздавался чаще и громче. Ему вторили сдержанный грудной смех хозяйки и хрипловатый — её сына.

Ника выпила вина, как и... госпожа Маргрит. Сухое вино с бархатистым вкусом и ягодно-цветочным ароматом осело в желудке приятным теплом; слегка закружилась голова. Пила Руз, а охмелела... Ника? Усмехнулась: чего только не придёт в голову подвыпившей девице?

Она исподтишка подглядывала за Ван Ромпеем. Опьяневшим он не казался. Не желал расслабиться и потерять бдительность? Умеет пить? Имеет большой опыт употребления

спиртных напитков? Она снисходительно улыбнулась, глядя, как он, не участвуя в беседе, затеянной ради него, с довольным видом ест слоёный пирог со шукой.

Не испытывала к гостю ни симпатии, ни неприязни. Ей всё равно, что он о ней подумает после случайно услышанного разговора с госпожой Маргрит.

Ника никогда не была двуличной. На её лице всегда отражались истинные чувства, выдавая состояние души. Показные заигрывания, кокетливые ужимки, томные вздохи, робкие взгляды — не для неё.

Она не страдала от недостатка мужского внимания. Да и понравиться сильной половине человечества не старалась. Загнав глубоко в душу естественное женское желание, никогда не добивалась ничьего внимания. Зачем? Чтобы... что? Глядя на себя в зеркало, воздушных замков не строила. Так легче. Проще. Спокойнее.

Ника снова украдкой взглянула на сидевшего напротив неё пожилого мужчину. Подавив вздох, взяла ложку и пододвинула к себе тарелку с гороховым супом.

Питер де Хох (1629 — 1684) — голландский живописец
Картина «Разговор», 1665 год

Осиас Берт (1580 — 1623) — фламандский художник

Картина «Натюрморт из фарфоровых сосудов и оловянных

ных тарелок со сладостями и каштанами», 1619 год

В центре и слева на переднем плане находятся два китайских фарфоровых столовых предмета Ван Ли, тип которых в голландском языке известен как краак. За ними две оловянные тарелки и три стеклянных сосуда: справа стеклянная чаша на ножке — тацца, кроме неё ещё два стеклянных бокала, вероятно, изготовленные в Нидерландах, но выполненные в венецианском стиле. Центральный бокал наполнен красным вином, а тацца — белым, похоже, игристым.

Глава 9*

— Что же вы молчите? — услышала она голос Ван Ромпея — требовательный и властный.

— Мне нечего вам сказать, — ответила, не поднимая глаз. Продолжала есть.

— Вы непослушная дочь, госпожа Руз. Ваша мать будет вами недовольна, — сказал он серьёзно с лёгкой тенью разочарования.

«Всё-таки слышал», — беспокойно застучало сердце Ника. Слышал, как госпожа Маргрит уговаривает дочь заболтать гостя, отвлечь, возможно, увлечь. Бесчестно и бессовестно.

Она взглянула на хозяйку дома, которая притихла. Не поворачивая голову в их сторону, прислушивалась к разговору.

«Пусть слушает!» — мстительно подумала Ника. Её оплошность. Говорила бы тише, не пришлось бы сейчас краснеть от неудобства. Она вздёрнула подбородок, посмотрела на гостя в упор и с вызовом спросила:

— Вам нравится, когда вам лгут в глаза? Вы ведь не настолько слепы, чтобы не замечать неискренности и лести.

— Увы, дорогая госпожа Руз, вижу и неискренность, и низкопоклонство распознать могу, — кивнул понимающе. — Скажу вам больше — угодливое восхваление люблю. В моём преклонном возрасте любого рода внимание со сторо-

ны молоденькой прелестной девицы крайне приятно.

Ван Ромпей положил нож возле тарелки:

— К моему великому сожалению, мне нечем увлечь столь юное создание, как вы, чтобы почувствовать себя увереннее и выглядеть в ваших глазах выгоднее.

Ника с повышенным вниманием прислушивалась к витиеватой речи банкира и ощущала себя странно. Прелестное юное создание? Это о ней он говорит?

Геррит ван Ромпей с терпеливым ожиданием заглядывал в её лицо, а она не понимала, к кому он обращается.

Она всё ещё не могла сориентироваться в новой жизни, не могла найти в ней своего места. Ощущала себя прежней Никой: смотрела на окружающее глазами Ники, думала как Ника, поступала как Ника. От Руз ей достались привлекательная внешность и мать с братом в нагрузку. Они ждут от неё поступков прежней дочери и сестры.

Банкир присматривался к собеседнице с особым интересом. Она его не чуралась. Задумчивым взглядом скользила по его морщинистому лицу, крупному носу, тонким губам, редким спутанным волосам. Ему пришлись по душе её бесхитрость и прямота, и это было заметно.

Не привыкшая к мужскому вниманию, Ника никогда не испытывала ничего подобного. Пусть сидевший напротив неё мужчина годился ей в деды, но его желание понравиться ей оказалось приятным. Его слова падали на душу целебным бальзамом; кружилась голова.

Молчание затягивалось.

Стало слышно тяжёлое, прерывистое дыхание губернатора.

Госпожа Маргрит надавила ногой на носок туфли дочери, и Ника очнулась, заговорила:

— У вас богатый жизненный опыт, господин Ван Ромпей. Вы много видели в жизни и испытали. Общение с вами должно быть не только интересным, но и полезным. У вас есть ответы на все вопросы. Это неоценимо.

— Ответы на все вопросы? — он улыbnулся плотно сжатыми губами. — Невозможно знать всё, госпожа Руз. Мне показалось или вы мне льстите?

Ника неопределённо пожала плечами:

— Если только чуть-чуть.

Банкир подался к ней и упёрся ладонями в столешницу:

— Удивите меня, госпожа Руз, и я сделаю то, о чём вы попросите.

— Не поняла, — вырвалось у Ники. Она свела брови.

— Если вы готовите столь же вкусно, как и красивы, то я признаю, что вам есть чем меня сразить.

Мама снова наступила Нике на носок туфли и еле слышно прошептала:

— Пирог.

Банкир усмехнулся:

— Госпожа Руз, предложите мне блюдо, приготовленное вашими ручками.

Запрокинув голову, Ника тихо рассмеялась:

— Мне нечем вас удивить, господин Ван Ромпей. На этом столе нет ничего, приготовленного моими руками. Но я не безнадёжна. Уверена, что торт Медовик в моём исполнении пришёлся бы по вкусу не одному сладкоежке. Но вы, как я понимаю, сладкого не любите.

— Почему вы так решили? — вскинул он мохнатые брови и уставился на её улыбающийся рот.

— В моём представлении мужчины, которые любят сладкое, выглядят иначе, — охотно ответила она. — У них есть избыточный вес, со временем они теряют физическую форму, становятся женоподобными. Также они подвержены различного рода заболеваниям и излишне чувствительны. У них замечена повышенная склонность к потреблению алкоголя.

В напряжённой тишине со стороны Якоба послышался звон.

Все дружно посмотрели в его сторону.

Собираясь налить в бокал вина, Якоб резко передумал. Вздёрнул брови и положил на свою тарелку утиную грудку, запечённую в медовом соусе, добавил янтарной рассыпчатой рисовой каши.

Губернатор достал клетчатый платок и вытер вспотевший лоб.

Мама снова наступила Нике на носок туфли — больно и неприятно. Конечно, не на такого рода развлекательную бе-

седу она рассчитывала, но... сама виновата.

Ника посмотрела на неё с недовольством, и госпожа Маргрит вымучено улыбнулась:

— Ешь, милая, ешь, — положила ей на тарелку кусок фруктового пирога, оказавшегося с начинкой из слив и орехов. Затыкала рот непослушной дочери, недобро глядя в её глаза.

— Спасибо, — слащаво ответила Ника и поспешила исправить положение. — Нельзя осуждать наших мужчин за тягу к сладкому. Оно вызывает прилив сил и улучшает настроение. Наши мужчины должны быть сильными и не сдаваться. Они трудятся, не зная отдыха. Ведь на них возложена большая ответственность за содержание и обеспечение семьи. Согласитесь, нет ничего лучше, чем ранним утром выпить чашечку горячего сладкого шоколада.

«Исправила положение, называется. Не беседа, а реклама горячего шоколада», — Ника улыбнулась банкиру той улыбкой, какая очень шла Руз. Она флиртует с ним?!

— Вот да! — воскликнул губернатор. — Пора улучшить настроение, выпить можжевельники и закусить сладким пирогом, — он громко рассмеялся, звеня хрустальным графином, наливая себе, госпоже Маргрит, соседу-банкиру и красноречивой находчивой девице.

Ника посмотрела на Якоба. Он ел, запивая мясо пивом. Перехватив взгляд сестры, подмигнул и кивнул: так, сестрёнка, всё так, давай, заговаривай зубы старцу дальше. Вон,

как он внимательно тебя слушает.

Банкир осмотрел ближайшие к нему блюда, что не осталось незамеченным мамой:

— Смею предложить вам утку, томлёную в сливочном масле с сыром или вы желаете отведать утиную грудку в медовом соусе?

Ника сочла нужным продолжить:

— Что примечательно, господин Ван Ромпей, так это то, что стоит мужчине отказаться от потребления сладкого, его организм возвращается к нормальным показаниям. Так что... — она замолчала и принялась есть фруктовый пирог — ложкой с помощью ножа.

Кроме бесед об искусстве, она без конца могла говорить о способах похудения. Подбирая для себя диету, читала научные статьи о связи количества и частоты потребляемых сладких продуктов с показателями психического состояния.

Банкир поблагодарил госпожу Маргрит и обратил внимание, как ест его собеседница — аккуратно, не спеша:

— Вы правы, госпожа Руз, я не ем сладости, но не потому, что не люблю. От них у меня колики. Мы с вами отклонились от главной темы разговора, — замолчал. Перехватив настороженный девичий взор, спросил: — Зачем я здесь?

Фраза прозвучала громко и строго.

Воцарилось молчание.

Первым его нарушила госпожа Маргрит — слышался её вздох-всхлип.

Эстафету принял губернатор: приглушённо кашлянул и засопел.

Со стороны Якоба не раздавалось ни звука.

Продолжая есть, Ника спокойно ответила:

— Чтобы дать Якубусу кредит под возможно низкие проценты.

Считая мероприятие провальным, она не боялась ни гнева Якоба, ни недовольства мамы. Жаль было денег, потраченных на дорогие продукты. Стол ломился от угощений в то время как семья нуждалась в деньгах. Сколько можно было прожить на них дней, недель, месяцев?

Не хотелось думать, что продукты куплены за деньги, которыми рассчитался с Якобом заимодавец-мерзавец. Значит, куплены, благодаря искусно подделанной подписи на договоре займа. Подделанной её рукой.

Банкир расслаблено откинулся на спинку стула:

— Признаюсь, ваш ответ несколько меня озадачил.

— Не лукавьте, господин Ван Ромпей. Разве вы не этого ждали? — Ника вскинула на него дерзкие глаза. — На прямой вопрос я дала прямой ответ.

— Вы всегда говорите, что думаете? — недовольно прищурился он.

— Если меня не спрашивают, я молчу.

Госпожа Маргрит снова наступила на носок её туфли. В этот раз сильнее прежнего.

«Больно!» — Ника дёрнула плечом и... ответила тем же.

Мама вздрогнула, выпрямилась, заёрзала на сиденье стула. Ухватила за мочку уха, ощупывая серьгу, поправляя.

Банкир пожевал губами и поднял подбородок. Его борода-клинышек задралась, дряблая кожа на смуглой шее разгладилась.

Балагур-губернатор затих с ножом в руке. Многозначительно поглядывал на хозяйку дома. Выразительно поиграл бровями и сокрушённо вздохнул: как видно, приятное застолье придётся оставить раньше времени.

Ван Ромпей в раздумье оглаживал бородку. Глянув на Якубуса, перевёл взор на Нику:

— На что вам нужен кредит?

— Купить пивоварню, — ответила она.

— Чем изволите кредит обеспечить?

— Об этом вам лучше поговорить с Якубусом, — посмотрела в сторону брата, который сидел ни жив ни мёртв.

Ван Ромпей медленно повернулся к хозяину дома:

— Что есть у вас из недвижимого имущества, кроме сего дома? Поди, и тот давно заложен?

Наклонив голову к плечу, немигающим взглядом банкир уставился на госпожу Маргрит.

— Заложен, — смутилась она. Побледнела.

Губернатор досадливо крикнул.

Якубус тяжело вздохнул. Послышался его просевший от волнения голос:

— Имеются в собственности складское помещение у ка-

нала на Речной улице и лавка при доме матери. Большом доме, трёхэтажном, — подчеркнул он. — Покойный отец торговали тканями и всем, что требуется для шитья. Правда, склад и лавка сейчас сданы внаём. Лавка нынче мясная.

Банкир барабанил пальцами по столешнице и смотрел на девушку, сидевшую напротив. С удивительным спокойствием она ела кашу с тушёной говядиной. Ела со здоровым, присутствующим молодым особам аппетитом.

— Я дам кредит, — сказал он решительно.

Якубус оживился, засуетился, подскочил к нему, собираясь горячо поблагодарить.

Ван Ромпей остановил его повелительным жестом руки:

— Вам не дам. Вот ей дам, — бородка-клинышек указала на Нику, продолжавшую есть и, казалось, не слышавшую окончательного решения банкира.

Повисла вязкая тишина.

За дверью в кухню сдавлено ахнула Хенни.

Ударился о край серебряного блюда нож, выпавший из руки госпожи Маргрит.

Губернатор прочистил горло сиплым кашлем.

Смысл сказанного банкиром дошёл до Ники не сразу. Она не ослышалась? С трудом проглотила непрожёванный кусочек говядины и подняла глаза на гостя.

— Вам, — повторил Ван Ромпей, глядя на девушку в упор.

«Так не бывает!» — завопило подсознание Ники. В чём-то есть подвох. В чём? Ищи ловушку, Ника, ищи! Она долж-

на быть! В руке дрогнула антикварная серебряная ложечка.

Чуть выждав, пожилой мужчина добавил:

— С одним условием.

«Есть!» — мысленно воскликнула Ника. С тревогой смотрела в горящие торжеством победителя карие глаза Ван Ромпея.

Поймав её взгляд и уже не отпуская, он сказал:

— Это не будет пивоварня.

Франс Халс (1583 — 1666) — голландский художник

Портрет Питера ван дер Бруке, 1633 год

*Питер Клас (ок. 1597 — 1661) — голландский художник,
мастер натюрморта*

Натюрморт, 1620 год

*Клара Петерс (1594 — 1657) — нидерландская художница,
мастер натюрмортов*

*Картина «Натюрморт с цветами и золотым бокалом»,
1611 год*

Флорис ван Дейк (1575 — 1651) — голландский художник

*Картина «Накрытый стол с сыром и фруктами», 1610
год*

Глава 10*

— Мне? Кредит? — рассмеялась Ника. — Ну уж нет! Увольте.

Её не интересовало, какой вид бизнеса вместо производства и продажи пива хочет предложить Ван Ромпей. Исход в любом случае будет один — бизнес заберёт Якоб, и госпожа Маргрит его поддержит. Под его руководством что-нибудь пойдёт не так. Да что там «что-нибудь»?! Всё пойдёт не так! Если бы Якоб был хорошим хозяином, то после смерти отца семья бы не бедствовала. Склад и дом матери с лавкой не были бы отданы в аренду, не заложен был бы дом.

Ника не знала, чем именно занимается брат Руз, но его заработка не хватает на содержание семьи. К тому же Якоб не позволит младшей сестре вмешиваться в его дела. Разорения не избежать. Склад и лавка отойдут банку, а виноватой останется кто? Уж точно не Якубус и тем более не госпожа Маргрит.

— Вы даже не дослушали, что предложит вам господин Ван Ромпей, — не сдержался от замечания губернатор.

— Могу догадаться, — отмахнулась Ника.

— Вот как? — усмехнулся банкир, явно не ожидавший подобной реакции на своё щедрое предложение. — Если сейчас вы соизволите мне во всеуслышание сказать, что я намерен вам предложить, то я дам вам кредит под пять про-

центов годовых вместо двенадцати.

Якоб подошёл к сестре, встал за её спиной и, наклонившись к уху, шепнул:

— Хотя здесь не будь глупой, Руз. Без промедления соглашайся на двенадцать процентов. Ты не представляешь, о какой сумме идёт речь.

Мама сделала ему знак, чтобы он отошёл и сел на своё место.

Губернатор под шумок налил можжевельники и одним глотком опустошил бокал. Вытер ладонью подбородок и подцепил кончиком ножа ломтик копчёного мяса.

— Не скажет, — произнёс уверенно, облизывая полные губы. — Вот если бы кредит получила госпожа Маргрит раз уж её сыну дать невозможно. Ей по силам начать своё дело и вступить в гильдию. Мне известен случай, когда женщина вступила в гильдию по торговле шерстью и тканями. И даже стала главой гильдии. Но госпожа Руз... — он окинул ироничным взглядом нахохлившуюся Нику. — Надо разбираться в кредитных делах, чтобы знать чего от тебя может хотеть заимодавец.

— Готова поспорить, что угадаю, что предложит мне господин Ван Ромпей. Вот, — она достала монету, которую дал ей перед обедом Якоб, и положила на стол. — Кто желает присоединиться не к пустому спору, прошу делать ставки.

Губернатор вытянул шею и разочарованно протянул:

— Гульден? Всего-то?

— У меня больше нет. Но станет, когда я выиграю. Можете поставить больше, — она с вызовом ему улыбнулась и посмотрела на банкира, пребывавшего в глубокомысленной задумчивости. Спросила: — Вы в деле?

У губернатора-балагура азартно заблестели глаза. Он уселся на стуле удобнее и потёр руки:

— Вы как, господин Геррит? Участвуете? Вы же затейник всего этого, вам уклониться никак невозможно, — не дал выбора банкиру. — Ставлю десять гульденов, что госпожа Руз не угадает ваше предложение!

Ван Ромпей молча достал свой тяжёлый кожаный кошель и отсчитал десять гульденов. Подвинул их к монетам Хендрика.

Ника повернулась к брату:

— Ты со мной, Якоб? — у госпожи Маргрит не спрашивала.

Женщина сидела с отрешённым видом и не сводила глаз с дочери. На неподвижном лице застыла маска немого удивления. Откуда у её Руз, её тихой и послушной девочки нашлось столько смелости, чтобы вступать в спор и вести беседы на равных с господами Ван Ромпеем и Хендриком ван Деккером? Разве она не учила дочь быть скромной, немногословной, покладистой? Можно было бы подумать на опьянение вином, но она его почти не пила!

Якоб в раздумье потёр подбородок:

— Толком не знаю, чему тебя учили в той французской

школе, но, несомненно, не ведению торговых дел, — он достал из кошелька пять серебряных монет и положил рядом с монетами гостей.

Ника поморщилась и тронула шишку на затылке — горячую, пульсирующую болью. Не ждала от брата другого. Как подделывать подписи на документах, так он в способностях сестры не сомневается, доверяет, а как поддержать хотя бы морально — сразу же скачет в кусты.

О чести и совести Ника промолчит. На ум пришла неожиданная мысль: насколько она доверяет банкиру — по сути, незнакомому человеку?

Сможет ли он, увидев, что проиграл, безоговорочно принять своё поражение? Не скажет ли, что имел в виду другое, не то, что скажет Ника? А в случае её проигрыша может ли подыграть ей и опять же солгать?

Речь идёт не о процентной ставке по кредиту. При озвучивании цифры в пять процентов есть свидетели, а вот что касается «не пивоварни»...

— Господин Ван Ромпей, у меня к вам есть маленькая просьба. Пожалуйста, напишите на бумаге свой ответ. После того, как я выскажусь, мы его прочитаем. Вы же не откажете мне в сей малости?

Пока Ван Ромпей переваривал очередное предложение девы, Ника посмотрела в сторону кухни.

Хенни уже не пряталась за дверью. Подперев плечом дверной косяк, она следила за происходящим, покусывая

нижнюю губу.

— Хенни, принеси перо и бумагу, — сказала Ника громко.

Банкир удивлённо вскинул брови и снисходительно усмехнулся:

— Не верите мне, дорогая госпожа Руз?

Ника напряжённо улыбнулась:

— Разумеется, верю, но... не доверяю. В столь ответственном деле неплохо бы подстраховаться. Доверяй, но проверяй. Не так ли, господин Ван Ромпей?

Он хмыкнул и пожевал губами:

— Верно замечено, госпожа Руз. Вы не так невинны, как кажетесь на первый взгляд.

Ника растянула губы в улыбке и воспрянула духом. На неё смотрели со снисходительной улыбкой, любопытством, толикой интереса, но не с унижительной жалостью, к чему она привыкла и старалась не замечать. От мужского внимания кружилась голова. В крови бурлил адреналин. Единственным желанием стало выиграть спор.

Все обернулись на громкий топот. Запыхавшаяся, раскрасневшаяся Хенни положила на стол лист бумаги, перо, поставила чернильницу.

— Я с вами, госпожа, — улыбнулась ей нервно и под удивлённые взоры мужчин положила рядом с гильденом Ники три серебряные монеты. Отступила за спину госпожи Маргрит.

Банкир с видом обиженной добродетели черкнул несколько слов на листе и сложил его вчетверо. Поджал губы.

За него ответил заметно охмелевший губернатор. Он пошёл шеей и вытер платком подбородок:

— Итак, условия соблюдены. Слушаем вас, госпожа Руз.

Ника начала без предисловий:

— Господин Ван Ромпей, вы предложите мне выбрать направление деятельности на моё усмотрение.

Она протянула ладонь, желая получить лист с записью, однако губернатор отвёл её руку.

— Не совсем вас понял, госпожа Руз. Поясните мне, что может выбрать девица, ничего не смыслящая в коммерции? — спросил он требовательно.

— Хорошо, я поясню, — кивнула Ника. — Если это не пивоварня, то что-то другое. Так?

Хендрик кивнул, и она продолжила:

— Господин Ван Ромпей не знает ни моих интересов, ни уровня знаний. Поэтому предложит выбрать дело мне самой. Поскольку такие решения не принимаются по указке свыше или импульсивно, а у меня нет опыта ведения такого рода дел, он даст мне несколько дней на раздумье, чтобы я посоветовалась с семьёй и решила, чем стану заниматься. Лучше, если я предложу несколько, на мой взгляд, продуктивных вариантов. Так?

Она обвела молчаливых господ вопросительным взглядом. Вздохнула:

— Я должна буду представить на рассмотрение план будущих действий для каждого варианта. Господин Ван Ромпей их рассмотрит и, как более опытный и умный человек, сможет мне подсказать, какое из намеченных дел даст наибольшую прибыль. Думаю, он не отказал бы мне в такой малости, если бы я пошла на сделку.

Она улыбнулась и обвела всех присутствующих ликующим взглядом. Подвела итог:

— Банк не заинтересован в разорении заёмщика. Кредитор хочет получить свои деньги назад с причитающимися процентами.

Губернатор выхватил из-под руки банкира сложенный лист, торопливо развернул его и прочитал:

— Решите сами.

Госпожа Маргрит вздохнула с облегчением. Ни на кого не глядя, стала ощупывать целостность своей причёски. По её лицу блуждала загадочная улыбка.

Брови Якубуса поползли на лоб.

Банкир встал, достал из кармашка кафтана часы-луковицу*, щёлкнул крышкой. Отнёс их от лица дальше, сощурился, нахмурился.

— Да, пора и честь знать, — подхватился губернатор. По полу заскрежетали ножки его стула. — Вот только я так и не понял, что вы выберете, госпожа Руз?

— Ни-че-го. Мне не нужен кредит. Никаких дел с привлечением чужих денег я начинать не собираюсь.

Ника встала, когда Ван Ромпей подошёл к ней:

— Послезавтра поутру мы с вами и госпожой Маргрит выезжаем в Амстердам для оформления договора. Будьте готовы показать мне... ЭММ... план, как вы изволили выразиться. По дороге его обсудим.

— Вы слышали, что я сказала? — с беспокойством спросила Ника. — Я отказываюсь от вашего предложения.

— Слышу, дорогая госпожа Руз. Устал. Не привычен к подобного рода развлечениям, — он пожал ей руку: деликатно, чуть дольше задержав в своей сухой прохладной ладони. — Искренне рад знакомству с вами.

Ника тяжело вздохнула, а банкир повернулся к безмолвной хозяйке дома:

— Госпожа Маргрит, не забудьте взять документы на складское помещение и дом с лавкой. Полагаю, они оформлены на ваше имя.

Когда за гостями закрылась дверь, Ника отступила на несколько шагов от мамы и Якубуса и с угрозой в голосе сказала:

— Молчите! Не смейте на меня давить! Я передумаю лишь в том случае, если ночью выпадет снег по пояс.

Для убедительности чиркнула по своей талии ребром ладони. Собрала монеты.

— Отдай гульдены мне, — подскочил к ней Якубус, хватая за руку. — Тебе они без надобности.

Ника отсчитала пять монет:

— Вот твои, — проглотила готовое вырваться бранное слово. — Остальное — мой выигрыш и Хенни.

Не стала ни стыдить, ни упрекать брата Руз — бесполезно. Взяла со стола вазу со сладостями. Приподняв подол платья, побежала вверх по лестнице. Остановилась, обернулась:

— Хенни, принеси мне большую кружку горячей воды. И никакого тёплого молока! Терпеть его не могу. Твой выигрыш отдам в комнате.

— А где туфли госпожи Руз? — спросила Хенни у хозяйки, глядя на мелькавшие, обтянутые белыми шёлковыми чулками пятки госпожи.

Мама беспомощно развела руками и указала на место за столом, где сидела дочь. Из-под ковровой скатерти сиротливо выглядывали носки туфель, прикрытые измятыми обвисшими синими бантами.

Виллем Клас Хеда (1594 — 1682) — голландский живописец, мастер натюрморта

Картина «Натюрморт с серебряным кувшином и пирогом», 1645 год

Виллем Клас Хеда (1594 — 1682) — голландский живописец, мастер натюрморта

Картина «Натюрморт с бокалом и часами», 1631 год

Франс ван Мирис-старший (1635 — 1681) — нидерландский художник, мастер портретной, исторической и жанровой живописи

Картина «Угощение устрицами», 1661 год

Глава 11*

Скрипнула входная дверь.

Госпожа Маргрит впустила гостя и бесшумно прикрыла створку. Скучный свет свечи дрожащими бликами скользнул по стене и упал на пол узкого тёмного коридора.

— Ты зачем вернулся? — с беспокойством спросила она.
— Увидит кто-нибудь.

— Поджидала меня, моя хозяйшкa? — мужчина обнял женщину и прижал к своему крупному, грузному телу. — Хватит, Маргрит, прятаться. Весь город знает о наших отношениях.

— Якоб не знает, — возразила она и положила голову на грудь Ван Деккера.

— Пора и ему узнать. Он же ушёл на службу? — Хендрик потянулся губами к лицу возлюбленной.

— Ушёл, — проворно уклонилась она от поцелуя. Обернулась и с тревогой посмотрела на лестницу. — Руз тоже не знает.

— Руз? — усмехнулся Ван Деккер. — Мне кажется, она знает гораздо больше, чем ты думаешь. Удивила она меня сегодня.

— Сама не ожидала от неё подобной смелости, — повысила голос Маргрит. — Уж и не знала, как справлюсь с именитым гостем. Умница моя девочка!

— Глупая она, — возразил Хендрик. — Где нужны лисья хитрость и льстивые речи, простотой суждений не обойтись.

— Как видишь, обошлись, — улыбнулась она и увильнула от загребущих мужских рук. Спросила: — Господин Ван Ромпей что-нибудь говорил по пути в гостевой дом? Он же у господина Киккерта остановился?

— Где же ещё? Молчал. Не больно он разговорчивый. Слова из него не вытянешь. А когда чувствует выгоду, то замыкается в себе и всё думает, думает... Радуйся, мать, по нраву пришлась ему твоя дочь. Он лет двенадцать как вдовец, глядишь и...

— Хендрик, ты лишку хватил? Моя Руз и?..

— Молчи, женщина, — оборвал мужчину её недовольное ворчание. — Где ты в Зволле да в вашем положении найдёшь достойного мужа для своей дочери? Она и так в девках засиделась. Я свою Ксандру в шестнадцать годков замуж отдал.

— Напомни мне, на сколько годков твоя дочь моложе своего мужа, а? — сощурилась Маргрит. — На десять-двенадцать? А здесь... Не-ет, — протянула решительно, качая в такт головой, — кредит получит, и тотчас вернёмся домой. Никаких разговоров на сторонние предметы вести не буду.

— Ну всё, успокойся, дорогая. Иди ко мне, мой лакомый кусочек, — Ван Деккер притянул женщину к себе.

Послышались возня, тихий сдержанный смех, смачный звук поцелуя.

— Если тебе больше нечего сказать, то иди-ка ты, Хенд-

рик, домой. Приходи завтра в полночь. Собрать тебе с собой?

— Собери, хозяйюшка, собери, — гладил её плечи, спину.
— Пирога со щучкой положи и утиной грудки. Уж больно вкусно ты готовишь, язык проглотить можно, — он облизал полные губы и сглотнул набежавшую слюну.

— Идём на кухню, — спохватилась Маргрит. Шутливо оттолкнула любовника и сняла с полки свечу.

Ван Деккер сел у стола. Привычно осмотрелся.

От потухшего камина шёл приятный слабый жар. Пахло копчёностями и сладким фруктовым сиропом. Тёплым жёлтым пламенем вспыхнул фитиль свечи. Темнота отступила, сгустилась в углах, притаилась.

Маргрит ушла в кладовую и вернулась с большой корзиной. Водрузила её на стол:

— Грудка может полежать до вечера, а пирог съешь в обед, — доставала продукты.

Хендрик шумно втянул носом воздух и тяжело выдохнул:

— Сегодня днём в управу приходил Адриан ван дер Меер.

Маргрит ахнула и выпустила из рук глиняную миску. Черепки с сухим треском разлетелись по полу.

Неверяще переспросила:

— Ван дер Меер?.. Адриан?.. — обессилено села на подвернувшийся табурет. — Разве он не погиб в июле прошлого года? Точно не помню, но, вроде, в сражении при Форт-Рояле.

— На Мартинике, да, — подтвердил Ван Деккер. — Все думали, что погиб. Его возвращение для города стало истинным потрясением. Не заходил к вам?

Маргрит отрицательно качнула головой.

— М-да-а, — протянул Хендрик опечалено, — не пережил Ван дер Меер-старший весть о смерти сына, умом слабый стал...

— Есть перестал, — продолжила женщина, кивая. — Месяца не прожил, схоронили его.

— Кажется, Адриан с твоим Якубусом дружбу водил?

Маргрит вздохнула:

— Водил... — мяла край полотенца дрожащими пальцами. — Вернулся, значит. Хорошо, когда есть куда вернуться. Его младший брат отчий дом забрал, намеревался продать. Не успел. Зачем Адриан к тебе приходил?

— Дело прескверное, разбирательства требует. Его вдова, не помню как её звали...

— Анника, — подсказала Маргрит.

— Верно, Анника... как получила бумагу о смерти мужа и схоронила старшего Ван дер Меера, по требованию нового наследника покинула дом. Три месяца назад, в начале сего года... да, так, — кивнул Хендрик, — она вернулась в Зволле с завещанием и должна была получить в нашем банке все деньги Ван дер Мееров. Младший брат Адриана на ту пору ещё не вступил в наследство и крепко повздорил с невесткой. Она пришла ко мне просить содействия ускорить дело

с получением наследуемой суммы. Из сострадания к ней я и посодействовал, помог. А оно вон как вышло.

— Как... вышло? — еле слышно прошептала Маргрит.

— Прескверно вышло, — пророкотал глубоким низким голосом Хендрик.

Женщина махнула на него полотенцем:

— Тише ты, перебудишь всех в доме.

— Кого у тебя тут будить? Мышей? Руз на втором этаже, поди, третий сон смотрит, а прислуга и вовсе на самом чердаке дрыхнет.

— Что вышло-то? — напомнила Маргрит.

— А-а, — поскрёб Хендрик подбородок, — Адриан утверждает, что не оформлял никакого завещания на жену. Более того, не видел её с тех пор, как ушёл на флот воевать с англичанами. Это почитай, три года. Обманула она всех.

— Обманула, — эхом отозвалась Маргрит.

— Выходит, завещание поддельным оказалось. Был бы живой Ван дер Меер-старший, не вышло бы такого. Он бы знал.

— А младший брат что говорит?

— Откуда мне знать? Пусть промеж собой разбираются. К тому же дело это банковское, не моё, — отмахнулся Ван Деккер.

— Но Адриан же к тебе в управу пришёл. Зачем? — допытывалась Маргрит.

— Из банка ко мне послали. Сказали, что я хлопотал за

его жену. Думал, может, знаю, где сейчас её сыскать можно. Женщина нетерпеливо заёрзала на сиденье табурета: — Как узнает, что Адриан живой, сама вернётся. С деньгами.

— Не узнает, — откинулся Хендрик на спинку стула и громко сглотнул. — Слышал, будто кто-то говорил, что она собиралась уехать в Америку. Она же вдова... вроде как. Куда захочет, туда и уедет. С такими-то деньжищами.

Маргрит сложила руки под грудью и сказала уверенно:

— Ван дер Меер отыщет её хоть в Америке, хоть в Африке, и деньги вернёт.

— Чтобы искать, нужно людей нанять. А с чего он найдёт? Деньги-то фьют, как водой смыло. Только дом остался, — он качнул головой в сторону улицы, — имеется какая-никакая военная пенсия и сбережения от офицерского жалования. В отставку ушёл наш Адриан... по здоровью. С ногой у него неполадки. Хромает.

Маргрит часто заморгала, шмыгнула и вытерла нос полотенцем:

— Почему так вышло, что на него бумага о смерти пришла? Почему семье не сообщил, что живой? Отец бы не умер от горя.

— Сам не знал про бумагу. В Италии лечился после тяжёлого ранения. Сказал, что писал домой. Видно, не дошли письма. Война... В том Форт-Рояле не пойми что творилось, в сражении столько матросов и солдат полегли, — скорбно

качал головой Хендрик. — Не счесть.

— Война как есть война, — вздохнула Маргрит. Придвинулась к возлюбленному и шёпотом спросила:

— Денег на счёте много было?

— Много. Там были деньги и старшего Ван дер Меера, и Адриана. Их дела до войны в гору шли. Ты должна помнить. Регулярно три корабля в Ост-Индию снаряжались, и все всегда возвращались. Везучие были Ван дер Мееры. Были... Такие вот дела, моя Маргрит, мой лакомый кусочек, — он подался к женщине, обнял, прижал к себе. — Может, останусь у тебя до утра? Разморило что-то.

— Сегодня никак нельзя, Хендрик, а вот завтра, перед отъездом в Амстердам...

Ван Деккер взял её ладони в свои:

— Когда ты уже войдёшь в мой дом хозяйкой, госпожой?

Она игриво улыбнулась:

— Не терпится? Ведь пожалеешь, старый лис.

— Никогда не пожалею, — загудел Хендрик шмелём. — Женщина ты разумная, во всех отношениях приятная.

Маргрит шутливо погрозила пальцем:

— Смотри, помни, что сказал. Вот дело с кредитом решу и подумаю над твоими словами.

Она встала, подавая ему корзинку:

— Тебе пора.

— Пора, — глухо отозвался Ван Деккер и нехотя поплёлся к выходу.

Ночь прошла беспокойно; Ника часто просыпалась.

В первые минуты пробуждения не могла понять, где находится. Лежала в постели, ощупывала себя, бельё, непослушными пальцами сжимала край толстого пухового одеяла.

Вслушивалась в обманчивую тишину чужого мира.

Незаметно засыпала и снова просыпалась, чтобы убедиться — она там, где быть не должна. Там, где оказалась по воле Провидения.

«Впрочем, здесь не так уж плохо», — уговаривала себя, ворочаясь в поисках удобной позы. Человек привыкает ко всему. Она тоже привыкнет.

— Госпожа, — услышала сквозь дрему голос Хенни. — Вы просили разбудить вас.

— Я? — отозвалась Ника машинально. После званого обеда, завершившегося неожиданным выигрышем, она успела забыть о своей просьбе.

Глаза открылись с трудом — не выспалась. Знакомое состояние. Такое случалось, когда она засиживалась допоздна, читая интересную книгу или делая эскизы будущих работ.

Смотрела, как служанка сдвигает в сторону тяжёлый поллог.

— Хозяйка сегодня не идут на рынок, — сообщила Хенни буднично. — Мне велено купить свежую зелень и дюжину яиц. Если пойдёте со мной, то вставайте.

Наблюдая, как молодая госпожа осторожно сползает с вы-

сокого ложа, уточнила:

— Есть будете?

— Буду, — оживилась Ника.

Её душа ликовала: есть можно что угодно и сколько влезет! Издеваться над чужим организмом, ограничивая его буквально во всём, Ника не станет. До критической отметки на весах худой и бледной Руз ой как далеко. Ей не помешает слегка поправиться.

Для похода на рынок Хенни принесла простое распашное платье из коричневого камлота*, отделанное узкой шёлковой чёрной лентой.

Упаковывания в жёсткий корсет избежать не удалось.

Ника набрала полную грудь воздуха и задержала дыхание. Смотришь, «удавка» будет не так сильно впиваться в тело.

Хенни в два счёта затянула шнуровку. Глядя на потемневший синяк госпожи, жалостливо спросила:

— Болит? Слабее сделать?

— Уже не надо, — буркнула подопечная, выпустив воздух из лёгких.

Волосы пришлось убрать под симпатичный белый кружевной чепец, который Руз оказался к лицу. В нём она выглядела юной и необыкновенно хорошенькой.

У Хенни было приподнятое настроение. Она всё ещё не могла прийти в себя после получения выигрыша.

Ника с улыбкой вспомнила округлившиеся глаза служанки, когда от вида серебряных монет она растерянно проям-

лила:

— Это слишком много. Не могу взять.

— Ты столько никогда не выигрывала? — прищурилась Ника подозрительно. То, как решительно Хенни приняла её сторону и сделала ставку, говорило об обратном. — Где ты играла? На что ставила?

Служанка ответила не сразу. Поиграв в раздумье бровями, вздохнула:

— В таверне «Старина Ханс», что на Стекольной улице в тупике. Там петухи дерутся.

— Петушинные бои? — уточнила Ника. Вспомнились слова Руз о том, что Якоб поставил не на того петуха.

«Он игрок», — дошло до неё. Судя по всему, заядлый и неудачливый.

— Выиграла? — спросила она у Хенни.

Та кивнула:

— Поставила два гульдена, получила один сверху. Мне нужны были деньги, чтобы отвезти домой. Мать руку сломала, долго не могла работать, нечем было налог заплатить. Я и пошла.

Ника пожала плечами:

— Значит, у тебя была такая договорённость с хозяином петуха. У нас с тобой никаких договорённостей не было. Поэтому, выигрыш делится пропорционально внесённому вкладу. Поскольку Якубус забрал свои пять гульденов, наш выигрыш составил двадцать гульденов. В итоге тебе причи-

тается пятнадцать гульденов, мне — пять.

Хенни от волнения осипла:

— Это ж моё жалованье за... — опустила глаза на руку, пошевелила пальцами и сказала: — пять месяцев?

— Домой отвезёшь? — спросила Ника.

— Нет, — закачала головой Хенни. — Туда сколько ни дай, всё мало. Вы же знаете, какая у меня семья. Я собираю деньги на первый взнос для вступления в гильдию. Хочу стать мыловаром.

— Мыловаром? — улыбнулась Ника. — Почему мыловаром? — выбор показался странным.

— А кем ещё? Что бы ни случилось, мыться и стирать бельё господа будут всегда.

— Как есть, пить и умирать, — продолжила Ника. — Кстати, об умирать. Скажи, сколько человек хоронят каждый день в нашем городе? Сколько гробов изготавливает и продаёт гробовщик?

Хенни задумалась и погрустнела. Чтобы отвлечь её, Ника спросила:

— А почему ты решила, что я выиграю?

Служанка ответила не задумываясь:

— Вы были такая уверенная и глаза у вас горели. Вы же подсмотрели, что написал господин Ван Ромпей. Вы намеренно сказали ему написать ответ на бумаге, чтобы подсмотреть.

Ника не ответила. Действительно, в данном случае, кроме

как подсмотреть, другого способа выиграть спор нет.

Уходя, Хенни спросила:

— Госпожа, вы же не просто так сказали про гробовщика. Вы хотите стать старшиной гильдии гробовщиков?

«Пф-ф...» — Ника подняла глаза к потолку:

— Почему старшиной? У меня хватит денег, чтобы сразу прибрать весь похоронный бизнес к рукам и стать главой гильдии.

— А как же господин де Гроот?

Ника не стала уточнять, кто он такой:

— Найдётся не один способ, чтобы его подвинуть. Как думаешь?

Хенни посмотрела на молодую госпожу с недоумением и ничего не сказала.

Поняла её служанка или нет, Нике было всё равно. Представив имя семейства Ван Вербумов на вывеске, сделанной по её эскизу, она хмыкнула:

— «Похоронное бюро «Тихая обитель» госпожи Руз ван Вербум». Обалдеть!

** Камлот — вид старинной шерстяной или полушерстяной ткани полотняного переплетения, вытканной из ангорской или верблюжьей шерстяной крученой нити с добавлением шёлка.*

Питер Янссенс Элинга (1623 — 1682) — голландский ху-

дожник

Картина «Интерьер с художником, читающей женщиной и горничной», 1668 год

Эмануэль де Витте (1617 — 1692) — нидерландский художник

Картина «Семейный портрет в интерьере», 1678 год

Глава 12*

Ника задержалась на невысоком крыльце и вдохнула прохладный воздух. Сделав вид, что поправляет туфлю, пропустила вперёд Хенни.

Четыре ступеньки вниз, шесть шагов по уложенной плиткой дорожке... Низкая кованая калитка открылась бесшумно.

Тишину серого промозглого утра нарушил грохот тележки. Зычный мужской голос прокричал:

— Свежее молоко!.. Парное молоко!.. Вкусное, сладкое, ещё тёплое!

Из дома напротив вышла женщина в белом чепце и зелёном переднике. Она окликнула молочника и постучала крышкой по бидону. Заметив Хенни и Нику, приветливо им кивнула.

Дом, в котором жила семья Ван Вербум, оказался голубого цвета. В крошечном палисаднике у крыльца стояла кадка с землёй. По обе стороны от входной двери разместились по два окна.

Ника отметила узкую лицевую часть дома, что создавало иллюзию его малой площади. Вытянутый в длину, изнутри он был просторным.

Сегодня Ника обязательно посмотрит, что собой представляет внутренний дворик. Жить в городе и иметь уютное

местечко для отдыха на свежем воздухе в окружении зелёной изгороди и цветов представлялось приятным бонусом.

Из распахнувшихся ворот следующего дома выехал всадник. За ним, не обращая внимания на прохожих, выбежали две охотничьи собаки, отдалённо напомнившие спаниелей.

Ника шла за Хенни по тротуару из тёсаного камня, тянувшегося вдоль домов, и смотрела по сторонам.

Мощёная булыжником улица оказалась достаточно широкой, чтобы на ней с лёгкостью разъехались две грузовые машины. Только вот откуда им здесь взяться? Проезжая часть для карет? Пожалуй.

С двух сторон от дороги вплотную друг к другу выстроились жилые, в основном, двухэтажные кирпичные дома с полуподвальными помещениями.

Жилища бургеров отличались цветом, высокими верхними частями фасадов — ступенчатыми шипцами, вдоль которых тянулись пилястры различных форм и размеров. Ставни защищали большие окна от непогоды и любопытных взглядов. Подоконники и наличники украшала лепнина.

Хенни свернула в узкий безлюдный переулок, и Ника задержала дыхание и сморщила нос. Пахло рыбными отходами, застоявшейся водой и нечистотами. Между домами текла сточная вода. Если рядом нет реки, то канал должен быть обязательно.

Сверху послышался стук открывшегося окна. Под ноги с мокрым шлепком упала грязная половая тряпка. Ещё бы

чуть-чуть и она шмякнулась бы на голову Хенни.

Ника ускорила шаг. Так больше шансов остаться если не совсем чистой, то хотя бы не облитой помоями.

— В следующий раз пойдём другой дорогой, — виновато отозвалась служанка, догоняя насупившуюся госпожу.

«Будет ли следующий раз?» — усомнилась Ника и с укором спросила:

— Что помешало тебе сделать это сегодня?

Хенни поправила корзину на сгибе локтя:

— Этот путь намного короче.

— И им не ходит госпожа Маргрит, — дополнила Ника недовольно.

Они вынырнули из переулка и оказались на широкой многолюдной улице. Дома на ней были шире, в три-четыре этажа, украшены богаче, с гербами владельцев в центре фасадов.

На главных воротах города раздался бой часов — отдалённый и глухой. В доме Ван Вербумов он ощущался громче и отчётливее.

Ника насчитала шесть ударов и не сдержала зевков, успев прикрыть рот ладонью.

Встречный мужчина поднял в приветствии широкополую шляпу и улыбнулся.

Мимо проковылял безногий калека на самодельных костылях.

Его обогнал чернявый мужчина. Проходя рядом, кашля-

нул и сплюнул в сторону.

В направлении рынка ехали гружёные товаром телеги. Продавцы тащили неподъёмные корзины или толкали впереди себя плохо управляемые тележки.

Ника присматривалась к жителям семнадцатого столетия — высоким мужчинам в однотонных тёмных камзолах и рослым пожилым женщинам в белых чепцах, молоденьким бодрым служанкам в сопровождении сонно зевающих хозяек. Состоятельные мужчины предпочитали пешей прогулке езду верхом.

Шум рынка послышался издалека. Сначала он был слабым, неразборчивым, напомнив шум приближающегося дождя. Затем перешёл в невнятный, беспорядочный гомон.

Торговля шла на площади перед церковью. Тонкий игольчатый шпиль её невероятно высокой башни пронзал низкие серые облака.

У Ники захватило дух. Она замедлила шаг. Захотелось подняться на самый верх башни и посмотреть оттуда на окрестности. Казалось, в какой бы части города не находился человек, башня видна отовсюду. Хороший ориентир, чтобы не заблудиться в лабиринте городских улочек и переулков.

Рынок гудел многоголосьем.

Крики продавцов сливались со скрипом и грохотом телег и тележек, ржанием лошадей, лаем бродячих собак, бранью торговцев, не поделивших место в торговом ряду. Кто-то кому-то наступил на ногу, толкнул... Сцепившихся задир раз-

нимали и успокаивали соседи-торговцы.

Между прилавками сновали разносчики с коробами. На перебой предлагали свой товар.

Громким басом привлекал к себе внимание продавец цветов в горшках.

Лудильщик гремел инструментом, обещая, что отремонтированная старая посуда станет как новая.

Звонил в колокольчик рыбак. Тонким голосом навязчиво вторил:

— Рыба, свежая рыба! Селёдка, треска, щука! — и снова звонил в колокольчик.

Трубил в рожок булочник. Слышался его надтреснутый голос:

— Свежие булки! Ржаные хлебцы! Кренделя! С пылу с жару! Только что из печи!

Ника вдохнула аромат свежей выпечки — вкусно.

Женщины раскладывали овощи на прилавках, перебирали в ящиках привозные фрукты.

Со всех сторон несло:

— Капуста! Морковь! Зелень!

— Коричная вода! Анисовая настойка!

— Каплуны! Крупные, откормленные! По низкой цене!

И так по кругу до окончания торговли, до хрипоты и сорванного голоса.

От какофонии звуков в голове Ники гудело. В глазах пестрило от спящих людей.

— Госпожа, а вон там не господин Якубус?

Хенни прищурилась, глядя поверх головы мальчишки-ло-точника, расталкивавшего впереди идущих людей.

Ника завертела головой в поисках высокой фигуры Якоба:

— Где?

— У караульной службы... на коне, — кивнула служанка на примыкавшее к церкви небольшое одноэтажное здание. Вдохнула: — Какой же ваш брат красивый. И при хорошей должности.

В чёрной строгой одежде, в шляпе с широкими полями, на вороном жеребце Якоб в самом деле выглядел впечатляюще.

Ника давно хотела узнать, чем он зарабатывает на жизнь семьи, но осторожно расспросить госпожу Маргрит или Хенни не подворачивалось удобного случая.

— Я бы не сказала, что его должность так уж хороша, — отозвалась она, рассчитывая на болтливость прислуги.

— Не всё же время им быть капитаном ночного дозора*, — охотно поддержала разговор Хенни. — Через год-другой хозяин станут начальником полиции, затем старшим бальи, женятся... — она тяжело вздохнула и замолчала.

«Капитан», — усмехнулась Ника, вспомнив, что слышала о ночном дозоре от Якоба. Стало понятно, о какой службе тот говорил.

В его ведении находятся ночная стража и воротные стражники. Городские ворота запираются на ночь, ключ забирает капитан. По его распоряжению в ночное время в город про-

пускают припозднившихся купцов или заблудившихся путников. Разумеется, купцы платят пошлину за ввоз товаров в город, и принимает её Якубус.

— Не женится, — утвердительно кивнула Ника. — Невыгодная партия вряд ли устроит Якубуса, а чтобы взять в жёны девушку из богатой семьи, нужно самому иметь стабильный доход. Причём немалый.

Хенни перекинула корзину в другую руку и подвинулась к госпоже. Оглянувшись на следовавших за ними без умолка болтавших пожилых женщин, понизила голос:

— Вот для чего господину Якубусу и нужна пивоварня. Отец госпожи Виллемины не отдаст свою дочь в жёны тому, кто беднее его. Помяните моё слово, госпожа Руз — к Рождеству будет в нашем доме хозяйничать новая хозяйка.

От неожиданного известия Ника сбилась с шага. Она не думала о Якобе в подобном ключе. Игроманам разве до любовных похождений? Тут же представила, как жена брата, разумеется, особа склочная и неуживчивая, станет её выкуривать из комнаты Руз. И это только начало. Когда у них появится ребёнок, то возникнет необходимость в устройстве детской комнаты. Замаячила перспектива стать соседкой Хенни на чердаке.

— Виллемина, — протянула Ника задумчиво. Каких-либо воспоминаний имя не вызвало.

— Да, та самая госпожа Виллемина — дочь главы гильдии ювелиров, — оглянувшись, сообщила служанка. — Са-

ми господин Ренье де Ваал родом из Делфта, зачем-то приехали в Зволле, сняли дом и поселили в нём младшую дочь от первого брака и малолетнего сына от второй покойной жены. Уж полгода как. Вы разве не знали?

— А ты откуда обо всём знаешь? — одёрнула её Ника с недовольством. — Всё подслушиваешь?

— Все знают, — Хенни обидчиво поджала губы. — Я бы не говорила, если бы так не было.

— Молодая и красивая, — сказала Ника, ни к кому не обращаясь, и Хенни не смогла промолчать:

— Лет семнадцать будет. Красивая, как Ангел небесный, — она отыскала глазами церковную башню и перекрестилась.

Пробежавший мимо грязный пацан со щенком на руках толкнул её под локоть, обернулся и показал язык. Хенни замахнулась на него и крикнула вдогонку:

— Догоню, уши надеру! — погрозила кулаком, направляя госпожу к прилавкам с овощами. Проворчала: — Разбегались тут, голозадые.

Ника сникла. Дочь главы гильдии ювелиров — звучит гордо. Это вам не дочь главы гильдии горшечников. Якубус станет землю носом рыть, чтобы осуществить задуманное. А кто будет расплачиваться? Она обернулась на башню и чинно перекрестилась.

— Госпожа! — Хенни глянула на Нику через плечо. — Лук зелёный покупать или нет? Укроп купила, петрушку ку-

пила, а лук? Хозяйка ничего не сказали насчёт лука.

— Не покупай, — ответила Ника, останавливая взгляд на пристально рассматривавшем её молодом лавочнике. — Что-то не так? — спросила у него без тени смущения, поправляя чепец.

Парень стушевался и отвёл глаза, а Ника горделиво вздёрнула подбородок. Что ни говори, а мужское внимание, от ко-го бы оно ни исходило, повышает самооценку.

В глаза бросилась простота здешних женщин с невыразительными и скучными лицами. Если мужчины выглядели не хуже современных представителей мужского пола, то истинно красивых на лицо женщин Ника не заметила. За редким исключением все они были высокими, ширококостными, с грубыми чертами лица. Видно, хорошо в своё время поработала Святая инквизиция, искоренив всех красавиц-«ведьм». Прежняя Ника прижилась бы в этом мире на ура.

Она расправила плечи и подняла подбородок. Спина оставалась прямой. Корсет со своей ролью справлялся успешно — придавал фигуре Руз изящество, делал её тонкую талию ещё тоньше. Ради этого можно и потерпеть.

Хенни привела молодую госпожу к прилавку с битой домашней птицей, дичью и куриными и перепелиными яйцами.

Пока служанка покупала и укладывала в корзину яйца, Ника смотрела на ощипанную, подвешенную за ноги птицу с подёрнутыми плёнкой глазами. Её мёртвый вид расстроил.

— А вы будете что-нибудь покупать? — заглянула в её лицо Хенни. — Может, хотите в лавку сладостей зайти? Или в пекарню?

Ника отказалась. Сладкого не хотелось. Да и денег она с собой не взяла. Шла не за покупками, а на экскурсию. Шла посмотреть город.

Посмотрела и теперь возвращалась в дом Ван Вербумов со странным чувством тревоги и ожидания чего-то страшного.

Возможно, она придала словам бестолковой прислуги слишком большое значение.

Возможно, уже успела раньше времени взбудоражить нервы нелепыми фантазиями.

Возможно, душа чувствовала что-то такое, что пока было неподвластно пониманию.

До похода на рынок Ника находилась в замкнутом пространстве, ограниченном стенами дома, и не могла судить об окружающем её мире. Увидев небольшую часть городка, окунувшись в среду обитания нового для неё времени, она почувствовала себя среди жителей Зволле одинокой и чужой.

Она не просто лишилась близких ей людей и привычного окружения. Вокруг неё другие воздух и цвет неба, другое солнце. Другой мир — иная реальность.

Что её ждёт впереди? Сможет ли она безропотно принять участь, уготованную Руз?

Ника была уверена, что не сможет. За оболочкой чужой

внешности кроется прежняя Ника со своим непримиримым характером и взглядами на жизнь. Руз оказалась слабее её — значит, сущность Ники с каждым разом станет проявляться сильнее.

Пройдёт немного времени и Руз выдадут замуж. Ника не сомневалась, что её желание при этом учитываться не будет. Она смотрела фильмы и читала о бесправном положении женщин на протяжении веков. Лишь спустя двести лет они начнут бороться за свои права, и пройдет ещё сто лет, когда представительницы слабого пола добьются успеха: перестанут считаться собственностью мужчин, получат возможность самим выбирать свой жизненный путь, формировать вкусы и предпочтения, станут самостоятельными личностями.

Ника не сможет сидеть в четырёх стенах и слушать нравоучения госпожи Маргрит. Не сможет безропотно подчиниться Якубусу и молча исполнять его указания.

Ни к нему, ни к матери Руз родственных чувств она не питает. Более того, Якубус своим бессердечным отношением к сестре вызывает не только неприязнь, а и откровенную враждебность. За два дня знакомства с ним Ника дважды испытала жгучее желание заехать ему в лицо кулаком.

Мать Руз своим равнодушием к травме дочери и бездействием также симпатии не снискала. Она потакает старшему сыну, сознательно не мешает ему использовать сестру в преступных целях.

Как долго сможет Ника жить с ними под одной крышей и изображать погибшую Руз, в душе отвергая их образ жизни, отравляя каждый прожитый день ложью, разрушая собственную психику, а заодно и новую жизнь?

Ей бы сейчас отделиться от них, начать зарабатывать самой, научиться жить в этом времени самостоятельно.

Иов Адриансон Беркхейде (1630 — 1693) — голландский художник

Картина «Улица в Харлеме», 1680 год

Картина «Булочник», 1681 год

Геррит Адриансон Беркхейде (1638 — 1698) — голландский художник

Картина «Большой рынок в Харлеме», 1696 год

Габриель Метсю (1629-1667) — голландский художник

Картина «Пекарь, трубящий в рог», 1660 год

** Зволле расположен на берегах рек Эйссел и Ватер. Первое упоминание о нём относится к 1040 году.*

** Население Нидерландов является самым высоким в мире: средний рост взрослых мужчин — 182,5 см, взрослых женщин — 168,7 см.*

** Ночная стража под командованием капитана патрулировала улицы и охраняла ночной покой горожан. Стражники имели статус неприкосновенности.*

В задачу патруля входило: сопровождать до дома заплутавших прохожих; задерживать всех, кто нарушал предписания и передвигался без фонаря; подбирать пьяных; предупреждать горожан, неплотно закрывших свои окна или двери; ловить воров; следить за пожарной обстановкой в городе.

Тем не менее стражники пользовались дурной славой. Грубые и продажные, они зимними ночами предпочитали греться в таверне, а не патрулировать улицы. Часто подозревались в связях с грабителями и поджигателями.

Питер Артсен (1508 — 1575) — нидерландский художник

Картина «Торговка у овощного прилавка», 1567 год

Михил ван Мюссер (1643 — 1705) — нидерландский живописец и график

Картина «Служанка и торговка», 1669 год

Глава 13*

Хенни не повела молодую госпожу прежней дорогой через бедный квартал.

Возвращались они по широкой центральной улице, где на первых этажах домов размещались торговые лавки и конторы. Большие красочные вывески указывали, что ждёт покупателя за закрытыми дверями.

Лавка пекаря легко узнавалась по изображениям кренделей, булочек и длинного хлеба.

На вывеске лекаря значились три полосы: красная, синяя и белая. Красная означала кровопускание, синяя — бритьё, белая — лечение переломов и удаление зубов.

Табачную лавку не спутаешь ни с какой другой. С вывески на вас смотрел весёлый боцман с курительной трубкой в зубах.

В приоткрытую дверь очередной лавки виднелась узкая крутая лестница. Из конька крыши дома выступала балка с лебёдкой и крюком для подъёма тюков и ящиков с товаром на верхние этажи через окно.

Далее шли сапожная и швейная мастерские, посудная и чайная лавки.

Ника обрадовалась и замедлила шаг, увидев впереди вывеску с изображением книги, стопки бумаги и чернильницы с перьями. Подумав, что это книжный магазин, собралась

в него войти. Разочарованно вздохнула, когда поняла, что это контора по переписи книг и документов. Некий господин Мейндерт Готскенс предлагал выполнить заказ любой трудности без помарок, с наивысшей точностью и в кратчайшие сроки.

Ника не слушала Хенни, которая поучительным тоном рассказывала о чём-то для неё важном. Думала о своём.

Может быть, стоит прислушаться к предложению Ван Ромпея? Объяснить ему, что следует составить договор таким образом, чтобы ни госпожа Маргрит, ни Якубус не смогли пользоваться результатом труда Руз, потому что вмешательство брата загубит дело.

Старый и мудрый человек, он должен понять её беспокойство и помочь ей. Иначе и начинать не стоит.

Как в таком случае поступит Якоб, Ника думать не хотела, но неутешительные мысли настырно лезли в голову. Поняв, что не сможет дотянуться до заветных денег, что повлечёт за собой невозможность жениться на присмотренной невесте, Якубус станет смертельно опасным для Ники. Кому отойдёт бизнес в случае смерти Руз ван Вербум? Этот вопрос также следует осветить в кредитном договоре.

— ...истощает его кровь, — донеслись до неё слова Хенни. При упоминании крови перед глазами всплыл облик умиравшего Ромки.

— Что? — спросила Ника, повернувшись к служанке, переключаясь на действительность.

— Я говорю, что мужчинам нельзя заниматься распутством, — повторила Хенни громче. — Это отвращает от работы. Они теряют семя, их кровь истощается и они становятся бессильными.

— Но они занимаются этим с удивительным постоянством и бессильными не выглядят, — хмыкнула Ника, косясь на служанку. Надо же до такого додуматься!

— Не знаете вы ничего, — отмахнулась от неё Хенни.

— А сколько ж тебе лет? Когда ты обо всём этом успела узнать? — поддела её Ника. Служанка не выглядела умудрённой жизнью женщиной.

— Двадцать четыре, — с достоинством ответила Хенни. — Знаю, что говорю.

— С этого места, пожалуйста, поподробнее, — улыбнулась Ника.

— Что? — растерялась Хенни.

— Хотелось бы услышать не голословные умозаключения, а подкреплённые фактами данные. Особенно, что касается истощения крови.

Хенни втянула воздух носом, сомкнула губы и выдохнула. Перекинула корзину в другую руку и обиженным голосом с вызовом сказала:

— Какая же вы стали... — не договорив, хватанула воздух открытым ртом. — Насмехаетесь надо мной.

— Вовсе нет. Если ты хочешь что-то сказать, то говори о том, о чём знаешь наверняка и в чём уверена.

— Я и уверена. Вот вы будто бы всё говорите понятно, но понимаю я вас в последнее время всё меньше и меньше, — зачастила Хенни. — Раньше слушали меня и молчали, а сейчас стали много говорить и всё так хитро выкручиваете, что я вас перестала понимать. Я же еду завтра с вами в Амстердам? — спросила она без перехода, с нетерпеливым ожиданием уставившись в лицо госпожи. Видно, этот вопрос волновал её куда больше бессилия и истощения крови у мужчин. — Почему хозяйка велели мне собрать в дорогу только ваши и её вещи и не распорядились насчёт меня? Мне тоже нужно время, чтобы собраться.

Ника не ответила. С насторожённым вниманием она рассматривала привязанного у калитки дома Ван Вербумов вороного коня.

Хенни ускорила шаг:

— Обогнали нас господин Якубус. Если жеребец здесь, то хозяин снова куда-то поедут, — в одночасье забыв об обидах, с беспокойством добавила: — Не иначе как что-то случилось.

Она свернула к двери в кухню, а Ника взбежала на крыльцо и тронула медную ручку. Замерла, медля открыть тяжёлую дубовую дверь. От предчувствия чего-то плохого и неизбежного в душе образовалась пустота. Повеяло холодом; тело окатила волна озноба.

Не понимая причины волнения, Ника вошла. Услышав в гостиной громкий разговор, не останавливаясь, снимая на

ходу накидку и чепец, прошла в комнату.

За наспех накрытым столом сидели госпожа Маргрит, Якубус и молодой мужчина.

Раскрасневшаяся и потерянная мама шмыгала носом, вытирая носовым платком слезящиеся глаза.

Якоб выглядел чрезмерно суетливым и нервозным.

— Руз, посмотри, кого я встретил на площади! — он развязно хлопнул мужчину по плечу. — Наш Кэптен — Адриан ван дер Меер! Живой, сто тысяч чертей! — зашёлся дребезжащим смехом.

— Руз? — улыбнулся гость.

От его голоса по телу Ники прошла неконтролируемая дрожь. Сердце подпрыгнуло к горлу, перекрыло дыхание; комната качнулась, в глазах на миг потемнело.

— Это Руз? — мужчина наклонил голову к плечу и усмехнулся. — Не узнал бы, встретив на улице.

На ослабевших ногах, не в силах сделать вдох, Ника прошла к столу и тяжело опустилась на ближайший стул.

— Ван дер Меер... — прошептала она, впившись глазами в гостя.

Мужчина был красивым. Волевое лицо, высокий лоб с упавшей на него прядью русых волос, густые брови, залом на переносице, прямой нос. Лёгкая небритость. Чётко очерченные дерзкие обветренные губы.

— Три года прошло, — уточнил Якоб, пристально глядя на сестру.

— Три года, да. Как жалко господина Ван дер Меера. Не дожил до радостного дня, — всхлипнула госпожа Маргрит, сморкаясь в платок. — Руз, дочка, что-то ты бледненькая, не пойти ли тебе отдохнуть? Завтра нас ждёт тяжёлый день.

Ника судорожно вздохнула:

— Я немного посижу с вами, — удерживала на коленях сползающую накидку.

— У меня для тебя есть подарок, — Адриан не спускал с неё заинтересованного оценивающего взгляда. — Он дома. Не знал, что встречу Якоба.

Под прицелом его серых бархатных глаз сердце Ники встрепенулось, ожило, загрохотало, разрывая грудную клетку ликующим торжеством.

Ника поняла, что с ней происходит. Происходит не с ней, с Руз. Неженка по уши влюблена в Адриана ван дер Меера!

Нике хорошо знакомо чувство влюблённости. В первый и в последний раз она влюбилась в восьмом классе в соседа по парте. Он не был ни отличником, ни красавцем. Обычный середнячок, спокойный, даже робкий, долговязый парень с едва пробивающимися усиками над верхней губой, на которого не заглядывались девчонки, за внимание которого не нужно было бороться.

Сейчас Ника затруднилась бы ответить, почему он ей нравился. Нравился настолько, что при каждом его обращении к ней она терялась, краснела и не могла произнести ни слова. Она не могла заснуть, вспоминая его удивительные карие

глаза — большие и влажные, его пухлые губы, намеренно негромкий, недавно начавший ломаться голос.

Он смотрел в её лицо, и она не замечала в его взгляде ни неприязни, ни безгливости, ни желания отвернуться. Возможно, её привлекло именно его ровное, дружеское отношение к ней, родившее чувство благодарности, ошибочно принятое за влюблённость.

Закончилось всё, как и должно было закончиться: через год он неожиданно для одноклассников уехал в столицу и поступил в военное училище. Ника его больше не видела, но ещё долго помнила о нём и даже несколько раз плакала. Глупая.

— Какой подарок? — спросила она тихо, бросая осторожные взгляды на приметную одежду гостя. Якоб назвал его Кэптен?

Форма морского офицера Ван дер Мееру шла необыкновенно. Из-под расстёгнутого чёрного кителя — простого, без галунов и вышивки, выглядывала тёмно-синяя подкладка. От множества мелких декоративных серебряных пуговиц, нашитых по краям застёжки и разрезам отложных широких манжет на рукавах, рябило в глазах. Вычурный модный воротник заменял белый короткий галстук с узким кружевом на концах.

Ника поймала себя на том, что испытывает эстетическое наслаждение, глядя на молодого мужчину, судя по всему, ровесника и друга Якоба. Кончики пальцев закололо от жела-

ния тут же схватиться за карандаш и запечатлеть красивое лицо на бумаге.

«Купить карандаши и альбом для зарисовок», — сделала она мысленную зарубку.

— Неужели ты забыла, что слёзно просила привезти тебе? — глянул Адриан через плечо на камин. — Всегда привозил.

— Морскую раковину, — улыбнулась госпожа Маргрит и пододвинула гостю блюдо с нарезанными тонкими ломтиками сыра, копчёного мяса и колбасы.

Кэптен благодарно кивнул, подцепил кончиком ножа ломтик мяса и, перед тем как отправить в рот, посмотрел на Ника:

— В этот раз большая, редкая и... рогатая, — причмокнул языком, подогревая девичий интерес.

— Рогатая? — Ника вопросительно подняла брови. Скелеты мёртвых моллюсков никогда не занимали её воображение.

Прожевав, Адриан небрежно поинтересовался:

— Может, ты уже не собираешь раковины, и я напрасно оберегал её, чтобы при перевозке не повредить... эмм... рóжки?

— Когда ты видел Руз в последний раз, она была сопливой девчонкой, — хихикнул Якубус. — Ей уже давно пора играть в другие игры, а не перебирать никчёмные ракушки.

Ника поморщилась. Если бы не гость, она бы не оставила его подковырку без должного ответа.

— Напрасно смеёшься, Якоб, — спокойноотреагировал Ван дер Меер. — За иную раковину знающий любитель редкостей отвалит приличную сумму золотом.

— Правда что ли? — округлил глаза Якубус. Он обернулся на камин, где на полке лежали шесть разновеликих морских раковин.

Ника кашлянула в ладонь, гася в себе раздражение несдержанностью брата. Осипшим непослушным голосом горячо возразила:

— Нужна, очень нужна. Я по-прежнему их собираю.

— Тебе нездоровится, Руз. Я же вижу, — с тревогой в голосе сказала госпожа Маргрит, проявив неожиданное участие.

— Да, сестра, иди-ка в свой покой. Пора тебе заняться расчётами, о которых ты говорила господину Ван Ромпею.

— Хм, — Адриан привалился к спинке стула. — Это не тот старик Ван Ромпей, которого я видел сегодня в банке? Банкир из Амстердама?

Якоб шумно отхлебнул из кружки пива и скосил глаза на сестру:

— Он самый.

Кэптен кивнул:

— Слышал о нём. Старик не титулован, но чертовски богат. Из бывших торговцев. Как-то сталкивался с его старшим сыном. У него свои склады в гавани Амстердама, ввозит зерно с Балтики и пряности с Востока.

Якоб промочил горло очередным глотком пива и, заметно волнуясь, нехотя произнёс:

— Он даёт нам кредит для начала своего дела. Поутру мать и Руз едут в Амстердам подписывать договор.

Ван дер Меер не скрыл удивления:

— Госпожа Маргрит получит кредит?

Мама не успела ответить — её опередил Якубус:

— Кредит получит Руз. Так, видите ли, пожелал господин Ван Ромпей. Ему приглянулась моя сестра. Как знать, может, из всего этого что-нибудь подобающее да выйдет.

Он громко и неприлично рассмеялся, побагровев от нату- ги — жёсткий воротник впился в горло. Ворочая шейей, Якубус оттянул плотную ткань пальцем. Откашлялся и присосался к кружке с пивом.

— Якоб, — госпожа Маргрит неодобрительно повысила голос, пресекая дальнейший разговор в подобном тоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.